

A woman with dark hair, wearing a shiny silver jumpsuit and black fingerless gloves, sits cross-legged on a large grey rock. Next to her, a large, shaggy brown dog with a black face and orange eyes lies down with its tongue out. The background is a lush prehistoric jungle with various palm-like trees and ferns. In the upper left, a futuristic aircraft is flying. The sky is blue with some clouds.

ОЛЕГ ДИВОВ

**ДАМА
С СОБАЧКОЙ**

ПРОФЕССИЯ: ИНКВИЗИТОР

Профессия: инквизитор

Олег ДИВОВ

Дама с собачкой

«ЭКСМО»

2014

Дивов О. И.

Дама с собачкой / О. И. Дивов — «Эксмо», 2014 — (Профессия: инквизитор)

ISBN 978-5-699-70560-3

Будущее – это новые возможности для всех. В галактической клоаке не разглядишь, где кончается бюрократ и начинается пират. Генералы на звездном фронтире воруют целыми планетами, сжигают улики огнем атомного взрыва, а людей продают в рабство вместе с кораблями и экипажами. Только не подумайте, что они стараются для себя; это все по просьбе родственников и знакомых – ведь корпорации очень любят дешевые ресурсы и бесплатную рабочую силу... А уж борьбой с пиратством занимается самое отпетое государственное ворье. Инквизитор Август Маккинби такими делами не интересуется, для этого есть федеральная безопасность. Но Август знает: со дня на день в самую грязь полезет его ассистент Делла Берг. Один человек погиб, другой пропал без вести – и следы обоих затерялись там, куда простые люди не суются. Остановиться Делла не сможет: дело семейное. Ей надо будет лететь туда, где нет ни порядка, ни закона. А может, еще дальше, где индекс опасности «ноль» и корабли плющит в блины. Вместе с Деллой пойдут русский контрразведчик и сибирский киборг. Хорошая компания, если нужно «найти и обезвредить».

ISBN 978-5-699-70560-3

© Дивов О. И., 2014

© Эксмо, 2014

Олег Дивов

Дама с собачкой

© Дивов О., 2014

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2014

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

* * *

– Итак, командер, вы согласны.

– Да, сэр.

Генерал Мимору впервые видел этого человека. И человек ему сразу не глянулся.

Командер Максим Люкассен, выпускник Военного университета. Диплом – копия со штампом федеральной безопасности о смене фамилии, получена полгода назад. Справка из канцелярии военного министра, удостоверяющая офицерское звание. Блестяще сдал квалификационный экзамен на чин командера, получил назначение. Тридцать девять лет, не женат, детей нет, сведения о родственниках отсутствуют. Похоже, Люкассен порвал со всеми и начал новую жизнь под новым именем. Армия для этого вполне подходящее место. От чего только люди не прячутся в армии: финансовый крах, личные трагедии, семейные неурядицы... За Люкассеном не может быть ничего компрометирующего, иначе безопасность просто закрыла бы ему доступ в войска. Но все же неприятно иметь дело с человеком без прошлого.

Нареканий не имеет, но слывет излишне отчаянным, почти авантюристом. Нелюдим, друзей не заводит, любовных связей никаких. Последнее, учитывая внешние данные, наводило на подозрения. Командер Люкассен был высоким и прекрасно сложенным голубоглазым брюнетом, стригся по уставу, носил аккуратную черную бородку. Очень романтично. Женщины от таких млеют. Но женщин у командера не было. И мужчин тоже. Он не держал домашних животных, не разводил цветы на подоконнике, не делал взносы в благотворительные фонды, не посещал церковь, не играл в азартные игры. Не платил за подписку на политические и спортивные каналы. Он даже не имел дурных привычек: не курил, не пил, о наркотиках и речи нет. Он только служил.

Именно такого офицера генерал Мимору и искал. Работа. Функцию в командерском кителе, по которой никто не заскучает, не взгрустнет. Искал и готовился уже согласиться на компромисс, потому что понимал: таких людей не бывает. Нашел.

И как же ему не понравился найденный экземпляр!

По документам командер числился живым человеком, совершенно нормальным, пусть и напроочь лишенным каких-то слабостей, а воочию – ну действительно робот. Ему на все было наплевать. Он ничему не удивился, ничем не заинтересовался, вопросов к начальству не имел. Готов к выполнению задачи.

В какой-то миг генерал Мимору всерьез занервничал и почти уже отказался от идеи использовать Люкассена в экспедиции. Бесило его это равнодушие. Невольно возникало подозрение: либо командер все-таки псих, либо играет свою игру, затаился и чего-то ждет. А потом у него вдруг в голове щелкнет, и он такое учудит – снимай погоны и лезь в петлю.

Но тут генерал напомнил себе, что Люкассен серьезно навредить не сможет. Да, он будет командовать транспортом, но его главная роль – официальное прикрытие операции. А пойдут с ним люди проверенные и надежные. И успех экспедиции зависит только от них.

А от Люкассена можно избавиться, если поведет себя неправильно. В принципе он не обязан вернуться на базу, доберутся прекрасно и без него.

Благо искать командера никто не станет.

* * *

– Надеюсь, вы понимаете, почему розыск и возвращение этой рукописи так важны, – со значением говорила Кэрол Монро.

За пять часов она повторила эту фразу одиннадцать раз. Где-то между седьмым и восьмым разом я поняла, что сохраняю рабочее выражение лица только из-за плохого настроения.

Пожалуй, Кэрол Монро была красива. Рядом с ней я казалась простоватой. Кэрол, с ее ледяной горделивостью, с безупречной осанкой и неожиданной грацией, выглядела настоящей принцессой. Такой книжно-романтической. По происхождению она не могла претендовать на титул, хотя материально превосходила очень-очень многих женщин из младшей аристократии.

Но в каждой черте ее образа, какую ни возьми, сквозило легкое, едва уловимое безумие. Кэрол носила только черное и белое, всегда в сочетании. Она ненавидела меланж и серые оттенки, ее устраивала только геометрическая четкость рисунка ткани и аксессуаров. Август как-то упомянул, что на свадьбу она надела ослепительно белое платье, отделанное черным кружевом; по моему скромному мнению, человек с мало-мальски развитым воображением, увидав такую невесту, бежал бы со всех ног. Когда я увидела Кэрол впервые, на ней было узкое черное платье, украшенное каймой из белых треугольников. Любой психолог сказал бы, что у Кэрол пипец какие проблемы.

Иногда я спрашиваю себя, не связывает ли меня с этим семейством нечто большее, чем череда совпадений. В семнадцать лет я увлеклась Диком Монро, дедом Кэрол. Дик был прекрасным любовником и звал себя дьяволом во плоти. Собственно, на его вилле я встретилась с Кэрол первый раз. Она приехала, не предупредив, ситуация вышла до крайности неловкая. Дик не смутился: тщеславие у него было поистине дьявольское. А Кэрол поначалу вовсе не обратила внимания на меня. Она просто вошла и, даже не думая поздороваться, выпалила: «С сегодняшнего дня я в разводе!» Потом скользнула взглядом по мне и добавила: «Твоя новая любовница? Еще моложе прошлой». А Дик ответил: «Я вот думаю: не жениться ли на ней? Вы мне надоели, пора завести другую семью, а вас, неудачников, забыть как страшный сон. Ты не смогла удержать даже этого шотландского барана!» Мне его слова показались не только бестактными, но и жестокими. Когда Кэрол ушла, я сделала ему замечание. А Дик рассмеялся: «Делла, я не обязан любить людей потому, что они мои потомки. Не обязан уважать их на том основании, что они во мне нуждаются. Они не выбирали, где родиться, – так и я не выбирал, кто у меня родится. И я недоволен тем, что получилось». Два месяца спустя Дик выгнал меня в надежде, что я буду просить прощения, а я взяла и ушла. Говорили, Дик здорово разозлился, но, к счастью, я ему не дочь и не внучка, рычагов влияния на меня нет.

Когда я встретила Кэрол второй раз, многое переменялось. Я успела обрести статус бывшей жены Берга, а она – родить девочку. Я училась на втором курсе Военного университета, Кэрол – в магистратуре историко-архивного факультета Гуманитарки. Еще Кэрол успела прослыть жуткой стервой. Неудивительно: развод, рождение ребенка бог знает от кого, гибель отца и двух братьев (причем в их смерти шепотом подозревали дедушку) – тут есть от чего озлобиться. Меня она не забыла и люто ненавидела. Надо полагать, за то, что дедуля унизил ее в моем присутствии.

В дальнейшем жизнь подкинула ей новые поводы для ненависти. Только поработав с Августом, я узнала, что пресловутым шотландским бараном, которого Кэрол не сумела удержать, был он. И отец ребенка, как я подозреваю, он же. По крайней мере, девочку звали Августой, она была тихой и аутичной, а с лица – голубоглазым беленьким ягненокком. Август коллекционировал красные игрушечные машинки; девочка проявляла интерес к красным игрушечным велосипедикам... У Дика Монро была вилла на Танире, хотя он редко тут появлялся, но с полгода назад внезапно решил, что климат ему подходит. Вместе с ним на Танире поселилась внучка. Наверное, рассчитывала возобновить отношения с бывшим мужем, ведь наверняка дочка спрашивала, кто же ее папа. А вероятный папа на все вечеринки ходил со мной и глядел сквозь бывшую жену.

Месяц назад Августа обстреляли. Вместе со мной. Обстреляли виртуозно: машина в решето, у нас обоих ни царапины, только из волос пришлось вычесывать грязь и мелкие осколки. Насчет заказчика у меня сомнений не было. Кэрол давно проболталась, как бы случайно и в узком доверенном кругу, что готова свести счеты, если кое-кто не одумается. Август и бровью не повел.

И, когда сегодня она позвонила и повелительным тоном предложила мне приехать, я согласилась. У меня было отвратительное настроение. Уже давно. В таком состоянии лучше не браться за рискованные проекты: легко умереть. Но парадокс в том, что как раз смерть не пугает и даже чем-то притягивает.

Тяжелый год. Пустые, нелепые слова. Осенью я пообещала деду, что непременно приеду домой на православное Рождество. Давно не виделась с родными, совсем заработалась. Август взялся за сложное расследование на Сибири, планировал закончить его к католическому Рождеству. Все обернулось плохо: очень славный человек погиб, и мы не успели его спасти. И конечно, не уложились в срок, а для разнообразия еще и в русской тюрьме посидели. На Таниру мы вернулись лишь в конце января. На память о том деле нам осталась спецсобака Василиса – списанный киборг из космодромной охраны, натасканный на грузовых роботов. С виду она была обычной сибирской овчаркой: пушистый рыжий мех, умильная черная морда, роскошный хвост. Позитивная такая собачка, а что большая, так это прекрасно – будет кого обнять в минуту жизни трудную. Главное, не заглядывать в пасть... И вот это чудовище, не успев долететь до своего нового дома, взяло и радостно оценилось. Как же собаки любят устраивать такие подляны! Нам пришлось здорово помучиться с перевозкой всего зверинца, потом – с его обустройством.

А когда я, освободившись, позвонила деду, то узнала: поздно. Дед умер двадцать второго января, так и не дождавшись меня. Меланома. Проклятье. Один из немногих видов рака, излечимых только на ранней стадии. Дед просто не обратил внимания на первые симптомы. Он никому не сказал, что умирает. Хотел на прощание собрать всех, кого любил. А мы не поняли, не почувствовали.

Не знаю, как сложились бы мои отношения с Максом, если бы не смерть деда. Прошлым летом мы помирились, вскоре я застучала его с другой женщиной, потом мы снова помирились... Он хотел реанимировать наш брак. Я взяла тайм-аут на размышление. Собиралась дать ответ, когда вернусь с Сибири. Естественно, мне донесли, что в мое отсутствие Макс не терял времени даром. Я и без того чувствовала себя покинутой, и теперь нелогично, зато от всей души, обиделась на Макса: он развлекался, наслаждался жизнью, а дед там умирал. Я потеряла одного из самых дорогих людей, а этот неисправимый бабник пристаёт со свадьбой, вцепился как клещ. Не до веселья мне, ясно? В конце концов, если Макс хотел снова жениться, мог бы и побольше интересоваться моей семьей! Словом, я сказала: хватит. Хватит мучить друг друга. Мы не пара и... и вообще. Возможно, наша любовь еще не умерла, но рассудок – особенно мой – твердил, что пора разбегаться. Да к черту рассудок! Я точно знала, что больше не надену фамильное кольцо княгини Сонно, а Макса не устраивали никакие другие отношения.

Он хотел, чтобы я была его, а я хочу быть своей. И дьявол меня раздери, мое сердце рыдало кровью, но я сказала: ставим точку.

Макс... Макс принял мой ответ. И скорбно поклялся, что я больше никогда о нем не услышу. Слово сдержал. Мне перестала звонить его сестра Татьяна, меня не беспокоили репортеры светской хроники. Более того, имя Максимилиана ван ден Берга вовсе исчезло из новостей, включая даже финансовые. Я подозревала, что он заперся в поместье и глубоко задумался, как теперь быть дальше. Что ж, ему надо многое переоценить. Одиночество – хорошая вещь, особенно в нашем положении. Я бы тоже так хотела. Но знала, что мне это не поможет. А Макс – он справится. Я нисколько не боялась, что он покончит с собой или сопьется. Тогда бы я точно услышала о нем, пусть и в контексте смерти, а он ведь обещал, что исчезнет. Берги упорные: если чего решили, сто раз пожалеют, но будут держать марку.

Я заставляла себя жить. Даже завела что-то вроде романа. Следователь Йен Йоханссон, талантище и симпатяга, на три года меня моложе. Мы встречались, он трогательно ухаживал, я смеялась его шуткам и поощряла его юношескую еще любовь. Увы, я ни капельки не любила его. Наш как-бы-роман сошел на нет без ссор, не успев дойти до близости. Как и предсказывал доктор Моррис, Йену предложили место в федеральной безопасности. Он колебался, но все дружно уговаривали его согласиться, даже инспектор Крюгер, а я – больше всех. Йен уехал на Землю, я осталась на Танире. Кажется, он все понял. Изредка писал, звонил, звал в гости и обещал приехать сам. Мы оба знаем, что это просто лишь вежливость.

К лету я стала оживать. «Время лечит все» – ужасно грустная фраза. Вылечило и меня.

А месяц назад мне вдруг приснился Макс. Я вообще-то уникам, редко вижу сны, и Макс до этого не появлялся в них никогда. Он был весел, держался будто старый друг, но с какой-то несвойственной ему мудростью. Я проснулась в слезах. Почему-то была уверена, что Макса больше нет. Он приходил ко мне из-за края. Да, я практически атеистка, но точно знаю: после смерти жизнь не заканчивается. И мертвые частенько навещают живых и стараются рассказать им нечто важное, чего не успели при жизни. Макс не рассказывал. Пока.

Сегодня он опять приснился. Говорил, что ужасно скучает. Это было уже отвратительной приметой – может быть, моей собственной близкой смерти. А когда он попросил меня приехать к нему, я даже во сне поняла, что это значит. Мертвец зовет к себе. Хуже всего, что такая перспектива не особенно пугала.

Наверное, поэтому я согласилась встретиться с Кэрл Монро, отлично зная, что стерва меня ненавидит и ни перед чем не остановится.

Почти угадала: Кэрл пять часов мучила меня семейной историей. Это было, пожалуй, страшнее, чем монологи Августа о машинках. Неподготовленного человека так и в гроб загнать можно.

– Надеюсь, вы понимаете... – начала Кэрл в двенадцатый раз.

– Да, мисс Монро, отлично понимаю. С вашего разрешения, я дам ответ завтра.

– Почему это завтра? – ледяным тоном осведомилась Кэрл. – Кажется, я не для того вас звала, чтобы вы размышляли!

– У меня есть незавершенное дело. Завтра я буду точно знать, когда смогу поступить в полное ваше распоряжение.

– Хорошо. – Она не скрывала недовольства. – Завтра в двенадцать тридцать жду вашего звонка.

Я вышла на улицу и с тоской посмотрела в небо. Собирался дождь. Почему-то с тех пор, как я поселилась на Танире, перед важным делом всегда собирается дождь.

Макс, чертов ты сукин сын, зачем же умирать?!

И только когда защипало глаза, я поняла, что по лицу текут не первые капли дождя, а слезы.

* * *

– Маккинби, ты найдешь его, – с нажимом произнес Дик Монро.

Август-Александр Пол Николас и еще двенадцать имен Маккинби, инквизитор первого класса, думал, что после визита к Монро надо зайти к хирургу. И дернул же черт подраться с Деллой! Какой смысл драться с противником, которого не способен ударить? Эта малявка прыгает, как фокстерьер: без разбега, со всех четырех лап – и сразу на плечи. Надо было выбросить ее в окно, благо там действительно невысоко, густой мягкий кустарник и недавно прошел дождь. Глядишь, остыла бы. А так вышло, что он закрывался и изредка отталкивал Деллу, а она разбила ему бровь. Кому скажешь – не поверят. Его бровь в двадцати сантиметрах над ее макушкой. И злиться не на кого, кроме себя: он и виноват. Мама права: это фрустрация. Он пытается забыться с другими девушками – не может, они мстят Делле, она срывает зло на нем, а он – на ней. Замкнутый круг. Она ненавидит титулованных, а он не может отказаться от титула. А еще она любит Берга, хотя жить с ним никогда не будет.

А Маккинби не находит сил сказать Делле, что Берга убили.

Просто боится причинить ей боль...

– Задета честь моей семьи, – дожимал Дик Монро. – Моя внучка – дура. Я знаю, ты и сам так думаешь. Это единственное, в чем я с тобой соглашусь. Я был против вашего брака. Но развод – это уже ни в какие ворота не лезло. Тем не менее я промолчал. И ты хочешь, чтобы я стерпел еще и это?! Какой-то ублюдок обрюхатил мою внучку и живет себе припеваючи, а Кэрол растит дочь без мужа! Ты найдешь его и привезешь сюда.

Дик Монро показал пальцем в пол у себя под ногами. Маккинби внимательно рассмотрел предложенное место. Он мечтал, чтобы Монро поскорей заткнулся. Искать Гая Верону, истинного отца ребенка, бессмысленно. Пропал без вести два года назад. Пропал где-то в Темном Лесу, на территории, которую наши не контролируют. Скорей всего, мертв. Если и жив – оттуда не выберется. Маккинби помнил этого тихого, слабого, но неглупого и приятного своей незлобивостью человека. Он не хотел привозить его к Дику Монро. Потому что Монро – старый напыщенный придурок. Считает себя дьявольски хитрым мафиозо. Видали мы таких... в гробу. У него мозгов не хватает понять, насколько Гай Верона идеальный муж для Кэрол. Гай будет терпеть все – и продолжать любить ее. И никогда не предаст. Жаль, что он пропал.

– Гонорар – так и быть, я забуду, что ты поступил с моей внучкой как последний подлец. Ты, говорят, гений. Понимаешь, чего стоит моя добрая воля.

Маккинби не слушал. Его занимала саднящая бровь. Две недели не заживает. Вроде бы Делла зашила как надо. Не заживает. Шрам останется. Пусть останется: Маккинби не стеснялся своих ран. Одной больше, одной меньше.

Надо сказать Делле про Берга. Взять и сказать. Сегодня же. Да, ей будет больно. Но она все равно узнает рано или поздно.

Из-за чего все-таки она развелась с ним? Маккинби верил, что она не помнит. Берги помнят, но выцарапывать из них информацию – занятие утомительное, а главное, розыски не удастся сохранить в секрете. Что, если Делле самой не хочется помнить? Истерическая амнезия. Однако что такого должен был натворить Берг, если у нее, разведчика, случилась амнезия?

Теоретически можно спросить Ника Берга. Он в стороне от семейных дел, но знает наверняка. Он журналист не только по профессии, но и по призванию.

Точно, Ник.

– Пришлите все, что у вас есть на этого человека, ко мне домой. – Маккинби поднялся. – Сейчас не возьму. Мне нужны свободные руки и чистая голова, я хочу пройтись.

Дик Монро выпрямился и смерил его взглядом:

– И кстати, с чего вы взяли, что он сбежал? Может, он давно умер?

– Его счастье, если так. Тогда ты привезешь мне его труп.

Маккинби никогда не обращался на «ты» к потенциальному клиенту, даже если знал его тысячу лет. А Дик Монро не говорил «вы» никому.

– Вот делать мне больше нечего, – сказал Маккинби спокойно, – как возить кости Гая Вероны. Мне надо Берга по-человечески похоронить, а ты тут со своим Вероной.

Дик Монро застыл и совершенно другим тоном спросил:

– Берг... всё?

– Да.

– Ч-черт... Когда?

– Неделю назад. Я узнал позавчера.

– Что-нибудь известно?

– Как обычно, почти ничего. Кроме того, что виноват сам. Посмертно обвинен в измене.

– О-о, любимая отмазка наших военных на все случаи жизни. Продался диссидентам, ага. Или кто-то там копает под Бергов в целом?

– Сомневаюсь, что они вообще поняли, с кем имеют дело. Он сменил имя и держался очень замкнуто. На репутации семьи это все не скажется. А что именно произошло... Думаю, он, как обычно, решил сыграть в свою игру на чужом поле.

– Передай мои соболезнования Делле.

– Она еще не знает. У меня духу не хватает сказать ей.

Дик Монро очень внимательно посмотрел на Маккинби:

– Думай обо мне что хочешь, я, разумеется, дьявол, но чего-то меня тоже не тянет быть черным вестником.

Маккинби промолчал.

– А теперь она еще и идеализирует его, – внезапно вздохнул Дик Монро. – Маккинби, что скажешь, если я заплачу тебе за компромат на Берга? Разумеется, Делла не узнает, кто собирал...

Маккинби приподнял здоровую бровь, показывая иронию.

– ...а мне не впервой выступать в роли осквернителя святынь. – Дик хохотнул: – Зря она с ним связалась.

– Ты бы предпочел видеть на месте Берга кого-нибудь другого?

– Маккинби, не прикидывайся идиотом. Я предпочел бы видеть на этом месте себя. Единственная женщина, с которой мне нескучно. Но она слишком умна, на мой вкус.

– Поэтому ты предпочел бы Бергу меня.

– Как вариант, – согласился Дик. – Тебе этого не понять: ты слишком молод. Хотя с возрастом, наверное, поймешь. Худшее оскорбление твоих достоинств – когда женщина, к которой ты равнодушен, уходит к мужику, который ногтя ее не стоит. Она меняет тебя на убожество.

– Да, мне этого не понять. Может быть, потому, что я не считаю Верону убожеством.

Дик поморщился:

– Я не про тебя и Кэрл. Я тоже не считаю Верону идиотом. По крайней мере, от него получилась красивая девочка. Да и сам он не претендует на титул пупа земли. Есть у него достоинства, есть. В общем, если мы с ним когда-нибудь увидимся, я сначала подумаю, не выгоднее ли сохранить ему жизнь. На моих условиях. Но я по крайней мере рассматриваю такой вариант! Значит, мужик уже не пустое место. – Подумал и добавил: – Если он сгодится хотя бы на то, чтобы Кэрл прекратила бегать по бабам, – уже хорошо.

– А что, опять? – удивился Маккинби.

– Да как с цепи сорвалась, – поморщился Дик. – Одна, другая, третья... Я даже боюсь, как бы она в Деллу не влюбилась. Впрочем, с этим я сам справлюсь. Маккинби, а то соберешь компромат на Берга?

– Нет.

– Не сомневался, что ты так ответишь. Ладно, тогда не мешай мне помочь Делле другим способом.

– Не советую.

Дик отмахнулся:

– Оставь ревность для другого случая. У тебя мудрости не хватит решить эту проблему. Делла все равно узнает и возненавидит тебя за то, что скрывал от нее. Все женщины в этом плане одинаковы. Никто не скажет тебе «спасибо» за то, что ты берег ее чувства и желал добра. Она возненавидит тебя, а из Берга сотворит памятник и икону. Ладно, ты свои шансы похоронишь, это лишь половина беды. Другая – ты похоронишь шансы Деллы. Со своими делай что хочешь, а портить жизнь Делле я не позволю. Имею право, – веско добавил он, – я все-таки был президентом попечительского совета, когда она училась в школе!

– У нее дед умер этой зимой, – невпопад сказал Маккинби.

– Я в курсе. Хороший человек был, кстати. А теперь еще и Берг. Она не будет разбираться, плох он или хорош. Она просто распространит на него недовысказанную любовь к деду. У меня крутится что-то в голове, где-то я слышал нечто подходящее для нашего случая... Ты можешь отвлечь Деллу на пару месяцев? Так, чтобы она точно не узнала про Берга?

– Отпуск. Ей давно пора в отпуск, – буркнул Маккинби.

– Превосходно. Мне нужно время, чтобы подготовиться.

– Только сначала со мной посоветуйся.

– Это само собой... А то, знаешь, всякое бывает. Ты не Господь Бог, чтобы справиться с любой задачей. Угораздит меня подкинуть ей неразрешимую загадку – еще хуже выйдет. Так что посоветуюсь, да. Чтобы ты этот орешек точно мог разгрызть.

Маккинби кивнул:

– Я наведу справки про Верону. Если вдруг будут новости, скажу. И, Дик, забудь ты про дурацкие счета. Твоя правнучка вырастет, дождется, когда ты будешь ездить на инвалидной коляске, – и сдаст тебя в дом престарелых. Отомстит за отца.

– Без сопливых разберусь, – без всякой злости сказал Дик Монро.

Маккинби вышел на улицу, оглядел сгущавшиеся тучи.

Что-то назревает, подумал он.

* * *

Из нашего сада доносились разъяренные вопли, и я прибавила шаг.

Долгая прогулка под дождем не принесла мне облегчения, поэтому, вернувшись домой, я применила испытанное средство: пошла играть с собаками. А они, судя по крику, уже без меня поиграли – и доигрались.

– Скотина! – орал Тед. – Животное! Сколько можно?! Когда это кончится?!

Спецсобака Василиса сидела перед дворцом, трагически потупившись. Черная с рыжим морда изображала глубокое искреннее раскаяние. Не исключено, что Василисе действительно самую малость стыдно; кто их разберет, этих сибирских овчарок, они ведь не глупее некоторых людей.

Чугунная ножка садовой скамейки была обгрызена в мелкую стружку, будто по ней прошли лазерным резаком.

– Ты – собака! – надрывался Тед. – На меня смотри! Ты – собака! Запоминай! Ты – собака! А ну повтори! Скажи: я – обычная собака! Я не жру ломы и лопаты, сволочь я такая! Я не ем скамейки! Зараза!

Завидев меня, Василиса дернулась было, но Тед как раз рывкнул: «Зараза!» – и «зараза» снова покорно уселась. Тед закрыл лицо руками.

– Не могу, – прогудел он сквозь ладони. – Я сейчас помру от хохота, и это будет непедagogично. Я кричу на эту дуру, а на самом деле хочу ее обнять.

– Ну ты ведь знаешь, что она не нарочно.

– Знаю. А делать-то что? Написать жалобу русскому царю? Приезжайте, ваше величество, научите свой подарочек хорошим манерам... Надерите ему рыжую задницу собственноручно, а то у нас не получается...

– Это нервное у нее. Это скоро пройдет.

– Пусть ветеринар пропишет ей таблетки от нервов!

– Вася, как тебе не стыдно! – сказала я.

Василиса в ответ сделала такую несчастную морду, что Тед застонал, безнадежно махнул рукой, повернулся и ушел. Бессовестная собака мигом ожила, вскочила и, молотя хвостом, бросилась ко мне здороваться.

Сибирских киборгов нельзя вывозить за пределы штата, они не продаются ни за какие деньги. Каждый из них – штучная работа и национальное достояние Сибири. На самом деле, как шепнули по секрету знающие люди, проблема не столько в национальной гордости великороссов – хотя не без этого, – сколько в конструктиве. Сибирь небогата редкоземельными металлами, львиную долю их сжирают аэрокосмическая промышленность, энергетика и оружейка. Поэтому инженерная философия русских: мы лучше истратим на каждую вещь немного больше сырья, она выйдет немного дороже, зато ее можно оставить внукам в наследство, а что насчет «морального старения», это сказочки для пижонов. Все высокотехнологичные продукты Сибири спроектированы и построены на века: кондово, надежно, ремонтпригодно. Ремонтпригодность – это вообще такой сибирский фетиш. Все должно переставляться, взаимозаменяться, перепрошиваться и работать, работать, работать. Минимум половина начинки каждого сибирского киборга прослужит нескольким поколениям. С учетом того, что киборги живут лет по тридцать-сорок, прикиньте, какой там запас прочности! И нашу бедную Ваську, у которой вылезли неустранимые системные неполадки, хотели разобрать на запчасти. Спасли ее от участи конструктора природная смекалка, редкая красота, а еще добродушие нашего повара Майка и счастливый случай. А починил собаку буквально на коленке Дима Павлов, одаренный инженер и вообще интересный человек, при одном упоминании которого невозмутимый Август Маккинби каменеет, а эмоциональный Алистер Торн лезет на стенку. Надеюсь, это у них тоже просто нервное и со временем пройдет.

А Василиса, если не обращать внимания на ее манеру иногда грызть железо, совершенно нормальная собака. Сверкающие зубы и блестящие когти очень ей идут.

Август постоянно ворчит, что в доме слишком много четвероногих, а они требуют внимания и отвлекают от важных занятий. Но я регулярно застаю его у вольеров. Да и первую нашу собаку, шикарного колли Брюса, вообще-то он сам подарил мне. Потом Василиса одарила нас аж одиннадцатью серыми щенками. Парочку мы удачно сплывили знаменитой в прошлом певице Нине Осси, ныне студентке Парижской консерватории Клементине Росси. Ужасно забавно она выглядела, держа в каждой руке по толстому пушистому щенку... Еще четверых у нас забрал общий друг, лорд Джеймс Рассел, которому они понадобились для охраны. Пятеро оставшихся засиделись, в результате по нашему недосмотру мамаша обучила их тому, что знает и умеет. Кончилось тем, что щенята попытались сгуртовать и загнать на нашу территорию парочку автоматических такси, а милый и безобидный Брюсик был у них заводилой. Гены пастушьи заговорили, ага. Пришлось срочно отправлять щенят на Кларин, и туда же за плохое поведение и дурной пример чуть не вернулся Брюсик, но его я отстояла.

Избавившись от детей, Василиса осознала себя красивой женщиной и снова захотела замуж. В принципе она была еще молодой – около шести лет, – и начинка киборга нисколько не угрожала ее плодородию. Август почесал в затылке и подыскал ей жениха. Громадного, величественного, почти черного сибирского кобеля. При знакомстве Василиса попыталась объяс-

нить интервенту, что здесь ее дом и командовать станет она. Август поглядел и махнул рукой: мол, эти собаки при вязке без инструкторов справляются, лучше не подглядывать и не мешать. Мы оставили их вдвоем в вольере на ночь. Утром проверили. Василиса, не иначе на радостях, порвала сетки на всех вольерах, и на своем, и на пустом щенячьем, и даже на Брюсовом. Посреди газона красовались три свежие ямы, рядом дрых Брюсик с испачканными в земле мордой и лапами. Василиса спала на спине внутри вольера, а ее новоиспеченный супруг залез за будку – наверное, ему было жарко, а там всегда тенок. Через три дня кобеля пришлось отправить домой. Вообще-то мы арендовали его на полгода: для сибирских овчарок важно, чтобы папа принимал участие в воспитании потомства. Но Василиса так третировала бедного парня, что мы испугались за его здоровье. Несмотря на ярко выраженное женское начало и общую очаровательность, Васька может ненароком перекусить обычную сибирку пополам – не фигурально, а буквально. Мало ли что у нее радар с навигатором не работают – это все равно киборг со всеми, как говорится, вытекающими... Ладно, в конце концов, она уже вырастила один помет без отца, знает, что делает.

В положенный срок Василиса принесла шестерых ярко окрашенных плюшевых щенков. Сама она была рыжей с темными перьями, отец почти черный, а вот детки получились с белыми мордами и лапами, с четкими рыжими и черными пятнами. И чем-то неуловимо отличались от старших братьев и сестер. Впрочем, мы ничего не знали о породности первого мужа Василисы, Кощея. Возможно, он был нечистокровным, поэтому у нас сложилось неправильное мнение о внешнем виде сибирской овчарки в младенчестве...

Сегодня вольер выглядел так же, как вчера, позавчера и неделю назад. Опять в ключья порвана сетка, внутри валяется Брюсик, а по нему ползают щенки. За всем этим благосклонно наблюдает Василиса. Я поначалу беспокоилась: сибирские овчарки – очень суровые матери, потомство охраняют слепо и безрассудно. В первый раз Василиса не подпускала к щенкам никого, кроме Августа, и расслабилась, только когда им пошел второй месяц. А с этими подобрела. Подпускала и меня, и Теда, и Майку. И – Брюсика. Конечно, он не мог порвать сетку, это сделала Василиса, чтобы колли пролез. Ей-то, с ее керамическими зубами, раз плюнуть. Ну, раз сама его пускает, значит, он ей нужен. Может, она считает его приемным сыночком.

Я успела вычесать Брюсика и Василису, когда появился Август. Хмуро оглядел испорченную сетку, потом пустой вольер Брюса.

– Я сказала Теду, что сетка порвана.

Август кивнул.

– Надо снести перегородки между вольерами, – обронил он. – Нет смысла их разделять.

– Ага, а Брюсик опять научит детей чему не надо.

– Имеет право, это его дети.

Я застыла:

– Август, но...

– Делла, ты на щенков посмотри. Ну метисы же. И окрас, и морды у них вытягиваются, и структура шерсти другая.

Я окинула взглядом Василису, которая была сантиметров на десять выше Брюсика. Ну, конечно, женский выбор всегда загадка, хотя у Брюсика есть достоинства: он красиво и богато одет, он элегантен, опять же, из хорошей семьи... И детей любит. Зачем ей какой-то чужой кобель, даром что большой и сильный? Все равно он слабей ее. А вот тонкая красота Брюсика могла и пленить Василису.

– Н-да. Интересно, как это у них получилось, при такой разнице в росте... Допрыгнул?

– Она прилегла. Суки очень сообразительны, когда им надо. Как твоя поездка?

Я встречалась с Кэрл Монро без ведома Августа. Сомневаюсь, что он отпустил бы меня одну, учитывая предысторию отношений.

– А ты знаешь, где я была?

Август машинально коснулся наклейки через бровь.

– Я видел, как ты выходила из дома. Из дома Монро.

– О!

– Так как?

– Ужасно! Кэрол вынула из меня душу всего за несколько часов. Не понимаю, как ты выдержал с ней восемь месяцев?

– Семь с половиной. Но шесть часов в сутки я спал и еще восемь проводил на лекциях. Еще пять часов в сутки Кэрол болтала с подругами, а не со мной. Она хочет с твоей помощью найти рукопись?

– Да, прожужжала мне все уши. Гениальный роман Мэрилин Монро, не утративший актуальности до сих пор, бла-бла-бла... Я едва удержалась, чтоб не спросить: как насчет легкого недоразумения? Его точно написала Мэрилин? Может быть, ее муж? Или Элис Манро, нобелевская лауреатка по литературе?

– Он существует. Но это подделка. Кстати, очень умелая. Написала ее подружка Кэрол, чтобы поиздеваться. Ты, наверное, слышала о ней – Дженнифер Сава, она в конечном итоге стала писательницей.

– Еще бы я не слышала! Даже читала.

– Что именно? «Черного петуха» или «Слово о любви»?

– И то и другое.

– «Слово» – хороший роман. Она начала писать его, когда я учился на историко-архивном. Показывала мне первые страницы. Тогда я подумал, что ошибся в выборе жены. Дженнифер и вполтину не так красива, как Кэрол, но женщина, которая много пишет, очень мало говорит. Мистификация с якобы утерянным романом Мэрилин Монро вполне в духе Дженнифер.

– Да бог с ним, с романом. Кэрол измотала меня, пять раз поведав семейную историю. Ах, Мэрилин и Джон Кеннеди, ах, какая пара!..

– История твоей семьи ничуть не более правдоподобна.

– Ну не скажи!

– Почему же? Не было никакого легендарного снайпера Слоника. А был Александр Солоник, наемный убийца на службе у русской мафии. И ваша семья ни малейшего отношения к нему не имеет.

– Это ты тоже узнал, проучившись полтора года на историко-архивном?

– Нет, этот случай приводился как пример в теории криминальной психологии. И проучился я там не полтора, а два года.

– Да и наплевать. Пусть даже наша фамилия произошла от того, что солдат в противобазах называли «слониками»! В любом случае наша зафиксированная родословная идет от парня по имени Иван Кузнецов...

– Вот это правда, – перебил меня Август. – И что ты решила?

– Не знаю. Может быть, возьмусь. Для тебя, конечно, задача плевая, а мне нечем заняться. Я умолчала, что мне позарез нужна работа, чтобы не вспоминать страшные сны.

– Не стоит.

– Она отомстит за пренебрежение.

– Мстить она будет мне, так что это не твоя головная боль. А мне она и так мстит регулярно, я давно привык.

– Вот же человеку заняться нечем, – вздохнула я.

Август промолчал. Сегодня у него не было настроения читать мне лекцию по криминальной психологии.

Мы вернулись в кабинет, но желания болтать не возникало. Август обложился виртуальными мониторами и затих. Я подозревала, что он опять нашел в Сети каталог доселе неизвест-

ного коллекционера машинок и теперь присматривается, что бы прикупить. Август интересовали только красные машинки, другие, сколь угодно редкие, он в упор не видел. А я в сотый раз просматривала клиентскую базу. Разумеется, как у любого инквизитора, у Августа было про запас некоторое количество отклоненных заказов. Его не привлекала простая работа, поэтому такие дела, если хватало времени, вела я.

Вызов пришел по федеральному каналу с незнакомого номера. Я ответила:

– Приемная Августа Маккинби, инквизитора первого класса, говорит Делла Берг.

На мониторе появилось решительно незнакомое, но приятное мужское лицо.

– Я Тит Долорин, адвокат Максимилиана ван ден Берга. Мне бы хотелось побеседовать с Офелией ван ден Берг. Если не ошибаюсь, это вы.

Я внутренне подобралась. И краем глаза отметила, как окаменели плечи у Августа.

В том, что мы с Максом разошлись окончательно, его заслуг было три четверти. Я сомневалась, почти согласилась дать Максу второй шанс, сама себя убедила, что можно справиться даже с его изменами и единственной нашей неразрешимой проблемой, о которой, кстати, Макс не знал... Август отговорил меня. И теперь опасался, что Макс не уgomонился и придется выдержать еще один бой.

Ничего удивительного в его поведении не было. Август очень тяжело ладил с людьми, долго привыкал. Я – исключение. Мы ладили быстро. Я полностью устраиваю его в качестве ассистента, и Август опасается не найти мне замену. А без ассистента-оперативника инквизитору работать очень трудно. Тем более я не только ассистент, еще и доверенный секретарь. Раньше Август никак не регулировал мою личную жизнь, хотя я живу в его доме. Мужиков не вожу – и ладушки. Но потом до него дошло, что мое замужество означает поиск нового помощника, и Август встревожился.

Тем не менее две недели назад мы крупно поссорились – только из-за его личной жизни, а не из-за моей. Августа убедили жениться на некой Фионе Кемпбелл. Мы с его невестой друг дружку невзлюбили сразу и взаимно. Она наговорила мне гадостей, я ответила асимметрично – потребовала у Августа досрочного прекращения контракта и полного расчета. Август пришел в ярость. Честно говоря, я удивилась. Он очень хладнокровный человек: инквизитор и не может быть другим. А тут взорвался, как бомба. И удивил меня второй раз: этот парень, прошедший британскую классическую школу для мальчиков, благовоспитанный до омерзения, оказался дико изобретательным на оскорбления. Мы орали друг на друга до хрипоты, долго орали. Потом он задел меня особенно круто, и я просто наподдала ему в коленную чашечку. Он увернулся, а я поняла, что поколотить своего шефа на прощание – отличная идея. Так что мы еще и подрались. Наверное, я сошла с ума, потому что он тяжелей меня более чем вдвое. Притом его вес – это вес мускульный, жира на нем отродясь не водилось. Если бы Август один раз, всего один раз поймал меня на кулак... А он держал ладони раскрытыми и вообще не бил, только закрывался и иногда коротко отталкивал меня. Ну и сбрасывал с себя. На полу я изрядно повалилась, что только прибавило злости.

Увольнять меня он отказался. Прибавил зарплату. Помолвку разорвал. Ругались мы еще сутки, в перерывах я кормила его любимой кашкой и зашивала бровь. Еще утешала его маму, которая принеслась с Земли выяснять, что случилось, если Август разорвал помолвку без объяснений. Мама у Августа совершенно очаровательная. Настоящая леди. Чем-то она напоминала мне Эмбер Мелроуз, ныне Рассел, мою лучшую подругу. А я вела себя как форменная грубиянка, вчера из казармы. Попутно я закрыла одно наше дело, взяв подонка с поличным. Когда возвращалась из полиции, попала под машину, точнее, на машину. Фиона решила свести счеты. От наезда я, понятно, ушла, перекатилась через крышу, но улетела в густой кустарник. Ободралась вот от шеи до пяток буквально. Ничего серьезного, много ссадин да помятые ребра, но я до сих пор сижу очень прямо, стараясь, чтобы одежда не цеплялась за струпья на

ранках. Август случайно увидел мою разукрашенную спину и без моей просьбы увеличил зарплату еще немного, а заодно поклялся, что больше своих баб в дом водить не будет.

Вот так и получилось, что я сквиталась с ним за вмешательство в мою частную жизнь. Но с тех пор Август стал еще больше бояться, что я найду себе другую работу. Или вернусь к Максусу.

– Да, мистер Долорин, это я. Чем могу помочь?

– У меня есть поручение к вам, касающееся моего бывшего клиента.

– Бывшего? – Я похолодела.

– Да, в сущности, мой контракт закончился, остались кое-какие незавершенные дела.

– Я даже немного испугалась. Мало ли, знаете... Дурное известие?

– М-м, нет. Последний раз я видел князя в начале февраля. Никаких известий о нем не имею. Насколько знаю, он собирался сменить имя и вернуться на службу в армию. Надеюсь, у него все в порядке, иначе мне в течение этого года сообщили бы... Нет-нет, от меня вы точно ничего дурного не услышите.

– Спасибо, вы меня успокоили. Чем могу помочь?

– Мне бы хотелось встретиться с вами. Я специально прилетел на Таниру, остановился в отеле «Паттон».

– Пусть приезжает сюда, – процедил Август.

– Мистер Долорин, – сказала я, – будет лучше, если вы приедете в приемную. Когда вам удобно?

Я записала его на час дня, объяснила, как проехать.

– Интересно, – нейтрально сказала я Августу, хотя он ничего не спрашивал.

Август пялился в свой монитор изо всех сил. Под правой рукой у него лежал шлем полной интерактивности, как будто Август собирался с головой нырнуть в свои дела.

– Максим Люкассен, – произнес он.

– Что?

– Я слышал ваш разговор. Его новое имя – Максим Люкассен. Взял фамилию бабушки по отцу. В сущности, Люкассены – это одна из ветвей Бергов. Их четыре: собственно Берги, Леверсы, Люкассены и Вандерберги. В апреле Макс служил под началом Рублева в чине командера. Был на хорошем счету.

– Поразительно. Ты откуда знаешь?

– У меня тоже есть родственники, если ты помнишь. Генерал Лайон Маккинби довольно близок с Рублевым. Возвращался из отпуска, завернул к нему и увидел Макса на базе. Очень удивился, спросил у меня, не знаю ли я, в чем дело: с чего это Берг сменил фамилию, отрастил бороду и делает вид, что проще палки.

– И что ты ответил?

– Что не знаю. Делла, ты хотела, чтобы я ответил: да, он окончательно расстался с бывшей женой и с горя пошел служить, как простой?

– А я могу быть и ни при чем. Макс всегда тосковал по службе. Он после университета выпросил себе назначение в боевую часть, дослужился до командера, отличился. У него вообще-то наградной меч за доблесть. Но ты же знаешь его семейку. Он просто не мог и служить, и вытаскивать ее из долговой ямы... Мне он как-то сказал, что чувствовал себя полноценным человеком только в армии. И знаешь, я рада, что он выбрал такой путь. По крайней мере не впал в отчаяние, не заперся дома, не спился. Он просто стал жить так, как хотел всегда. Мне кажется, ему это пойдет на пользу.

– Я думаю, ты ошибаешься, но это неважно.

Я отчего-то начала сердиться. С другой стороны, я всегда сердилась, когда Макс язвил насчет Августа, почему бы теперь не поступить наоборот. Оба они хороши, а я беспристрастна, только и всего.

– Делла. – Август отодвинул монитор, поставил локти на стол и сплел пальцы.

Он недавно выработал такую привычку – до этого просто крутил свои пальцы. Движение слишком похожее на невротическое, и Августу пришлось изобрести ему замену, чтобы не пролететь на обязательной ежегодной переаттестации. Раньше у него был снисходительный психолог, который смотрел на вещи трезво: нет развития симптоматики – и хорошо. Но в прошлом году пришла молодая и красивая женщина. Женщине глянулся плечистый инквизитор, она намекнула ему на расширенные возможности общения. Август вспомнил, что у него нет чувства юмора, а значит, намеки он считывать не обязан. Она повторила открытым текстом. Август отказался. Спать с психологом из комиссии по лицензированию – это уже коррупция. Впрочем, я подозреваю, дело было в другом: Август не выносил женской агрессии. А может, несмотря на свою красоту, психологиня не понравилась ему. Скорей всего, именно так, ведь дама обозлилась всерьез, как женщина обижается, только если ей отказывают в сексуальной привлекательности. Теперь она придиралась к каждому жесту, к каждой индивидуальной черте или склонности, выходящей за рамки клинической нормы. Все знают, что эта самая норма – абстракция, таких живых людей не бывает, потому что у нас общество нездоровое и травмирует человека с детства. Но и доказать, что к нему цепляются попусту, Август не мог. Фактически он через суд потребовал бы снисхождения к своей слабой психике – вот как это выглядело бы.

Он выбрал другое решение. За полгода избавился практически от всех своих уникальных двигательных привычек. Август больше не раскачивался с носка на пятку – теперь он ставил ноги шире, засовывал руки в карманы. Поза казалась очень агрессивной и раздражала людей еще сильнее, чем его раскачивания. Пальцы он тоже больше не мучил. Он сплетал их и держал так жестко, что казалось, всеми силами сдерживает ярость. Поначалу у него аж костяшки белели. Сейчас попривык. Но я не сомневалась, что рано или поздно ему придется добиваться замены психолога. Потому что женская месть – она бесконечная. Даже поверженный и растоптанный противник не может надеяться, что пытка закончилась. Нет, она не закончилась, просто палач отошел в бар выпить пару коктейлей.

– Армия – это наименее подходящее место для Макса, – сказал Август. – Макс прирожденный военный только в том смысле, в каком это определение применимо к прирожденному корсару. Он уважает личную дисциплину, но не способен безоговорочно подчиняться. И на гражданке ему жилось более чем хорошо. Семью из долгов он вытасил, еще когда служил. Затем он богател. Он мог бы вернуться в армию, ему никто не мешал. Он же служил вместе с тобой? Служил. Семья не мешала. Мог бы служить и дальше. Но его туда вовсе не тянуло.

– Хочешь сказать, он врал мне? Август, я разведчик. Меня невозможно обманывать так долго.

– Если разведчик сам не хочет обманываться – безусловно. Нет, он не лгал тебе. Макс превосходный манипулятор. И как любой манипулятор, умеет проникаться настроением объекта. Армией бредила ты. А он подхватывал твои мечты. В такие моменты он сам искренне верил, что любит службу. При том, что в действительности ему нравилось не служить, а проводить рискованные операции, получать награды и собирать восхищение окружающих. Вот дипломатическая карьера ему действительно подходила, жаль, что он так и не двинулся по этому пути.

– Мне приходило это в голову, но, Август, ты не все знаешь. Да, он не лучший в мире подчиненный, Макс никогда этого и не скрывал. Но если вспомнить, какой ад творился у него дома, ничего удивительного, что в армии ему было лучше.

– Тут спорить бессмысленно, – согласился Август.

– Да и с тем, что он авантюрист, искатель приключений на свою аристократическую задницу, тоже, – признала я. – Если, конечно, под корсаром ты подразумевал именно это, а не грабежи.

– Грабеж и война неразделимы. Военные грабежи можно цивилизовать, но в той или иной форме они останутся.

– Господи, ну какой же ты зануда!

– Других аргументов нет? – уточнил Август бесстрастно.

– Есть! – радостно заявила я. – Август, без обид, но это традиционный спор офицера и гражданского. Офицеры считают гражданских тыловыми крысами, а те офицеров – грабителями и паразитами, тупыми солдафонами. При этом ни один офицер почему-то не завидует гражданскому, зато гражданские, если копнуть, завидуют офицерам. Гражданских считают людьми второго сорта, трусоватыми, которые настоящей опасности бегут. Поэтому они ищут недостатки у офицеров – мол, пираты, сорвиголовы...

– Ты же знаешь обо мне достаточно, – удивился Август.

– Поэтому и уверена, что ты не обидишься. Большую Звезду за красивые глаза не дают.

Это было чистой правдой. При знакомстве Август прикинулся простым, чуть ли не из низов. Сэнди Маккинби, студент-инквизитор, ха-ха. В дешевой футболке без рукавов, потертых джинсах, старых кроссовках, с гривой спутанных пшеничных кудрей ниже плеч. И с таким идеальным произношением, за какое некоторые в Оксфорде удавились бы. Назначил мне свидание. А на следующий день моя подруга Мелви Сатис сказала: «Дел, ты в своем уме, какой он тебе простой?» Ну да. Герцог Кларийский захотел поиграть в «Принца и нищего». А что, имеет право. Конституцией не запрещено. Но титул, строго говоря, я узнала последним. Сначала я услышала полное имя. Это ж охренеть можно – шестнадцать имен плюс фамилия! Причем все имена либо римских, либо русских императоров. Его основное имя, первое, произносилось в латинской транскрипции, но с потерянным окончанием. В принципе и остальные тоже полагалось выговаривать по правилам нефедеральных языков: Александр Павел Николай и так далее. Но тут Август шел на уступки тем, кто рискнет повторить эту череду. Это ж язык сломать можно. Я выговаривала, но я до двенадцати лет росла на дедушкиной ферме, где объездчиком работал русский ветеран. Там я научилась ругаться матом и произносить некоторые уникальные звуки вроде твердого русского «р» и загадочной гласной «ы». Если мне хотелось рассмешить Августа, я в качестве междометия, означающего крайнюю степень веселого ошеломления, издавала это неповторимое «Ы!». Кстати, Август уверял, что не знает никаких языков, кроме федерального и четырех мертвых: латыни, древнегреческого, древнедатского и гэльского. Но, как выяснилось на Сибири и повторилось две недели назад, материться с неплохим произношением он тоже умел. Мягкий знак, где надо, выговаривал очень даже хорошо. Правда, вместо звука «ы» в окончаниях произносил смазанное «э», но истинные русские позволяют себе и не такое...

Услыхав, с кем имею дело, я обиделась и отказалась от свидания: не встречаюсь с принцами, извините, такой у меня жизненный принцип. А спустя несколько месяцев я узнала об Августе достаточно, чтобы перестать жалеть и начать уважать. Но было поздно что-либо менять в отношениях. Слово вылетело – все, прости-прощай.

С шести лет он учился в Эдинбургской классической школе для мальчиков. Лучший ученик, ля-ля-траляля, награды за победы в ученических олимпиадах по истории, в старших классах показывал глубокие познания в истории Европы. Постоянный участник скаутских, а с четырнадцати – волонтерских программ. Волонтерить предпочитал в армии. Каждое лето по два месяца проводил в расположении действующих частей. На самом деле, конечно, подростки-волонтеры в настоящие боевые части попадали исключительно по недоразумению или редкому стечению обстоятельств. Я тоже два лета волонтерила, поэтому знаю. Девчонок посылали работать сиделками и санитарками в госпиталь, а мальчишек – юнгами на военные транспорты или курьерами, ну, или на расчистку территории после природных пожаров и ураганов. Вся «служба» проходила в условно-действующих частях, как правило, в нашей половине Галактики, где никаких реальных угроз нет. Отдельные везунчики ходили на транспортах к

Твари, или к Тору, или к другим нашим дальним базам. Сходить за Ядро считалось большим приключением. Но опасности там тоже не было: базы располагались довольно далеко от фронта и редкие вылазки диссидентов пресекались моментально.

Если, конечно, не случилось нечто из ряда вон выходящее.

В том году случилось.

Наша разведка круто опозорилась, и через границу у Рулиджи прошла мощная группировка диссиды. Хотели перехватить ежегодный караван на Тварь, идущий с Земли, а затем нанести удар по планете. Об оккупации речи не шло, конечно: ребята прилетели только пограбить, чисто по-соседски, – но, потеряв караван, мы фактически теряли и планету, причем надолго.

В караване числилось тридцать мальчишек от шестнадцати до восемнадцати. Двадцать восемь на транспортных, а двое шли уже в третий раз, и их в виде поощрения взяли на крейсер «Крылатый». Старшему было восемнадцать, его звали Дэн Сулли. Младшему – шестнадцать, им был Август Маккинби.

Диссиденты атаковали «Крылатый» самым первым.

Завязка боя в космосе совсем уж внезапной не бывает, наши успели сыграть тревогу и надеть скафандры. Сулли погиб через несколько минут, а юнга Маккинби по приказу командира пошел выяснять, почему молчит шестая батарея. Увидел дыру в обшивке и мертвого стрелка. Недолго думая, залез на его место и доложил, что готов открыть огонь. Связи не было, и тогда он просто начал стрелять.

Бой продолжался сорок две минуты, и исход его решила невероятная стойкость «Крылатого»: уже почти полностью разрушенный, он держал оборону и позволил нашим перегруппироваться для контратаки. С двадцать девятой минуты огонь вела единственная батарея – шестая. На крейсере выжило тринадцать человек, всем дали Большую Звезду. В том числе и подростку-волонтеру, который покинул корабль без помощи спасателей. Изнутри к нему подобраться не смогли, снаружи тоже, парень вылез через ту самую дыру в обшивке, прихватив с собой труп стрелка, и преодолел двадцать девять метров открытого пространства, руководствуясь только словесными инструкциями. Прыгал с борта на протянутый к нему манипулятор и тащил за собой труп. Он никогда не учился перемещаться в открытом космосе, это часть подготовки джедаев, и отнюдь не с шестнадцати лет, а позже. Тренируют их, между прочим, на десять метров что в скафандре, что без него. Макс тренировался. Он и дыхание на три минуты задерживал легко, и двигаться умел. Только он в открытое пространство не высунулся ни разу за все время службы. А рекорд Августа еще никто не побил.

Август о своем подвиге не распространялся.

– Зачем тогда обвиняешь меня в зависти? – спросил он с честным-пречестным недоумением в голосе.

– Затем, что я тоже офицер. И не надо мне рассказывать, война – это грабеж или нет.

– А, корпоративная солидарность. Понимаю. Делла, я ни капельки не завидую ни Макс, ни его офицерским нашивкам. Думаю, ты сама понимаешь, что его наградному мечу я тоже не завидую.

– Ну да, ты всегда можешь одолжить шпагу у дедушки Лайона, – съязвила я.

– Лайону я тоже не завидую, – нудно сообщил Август.

– Слушай, я не говорила, что это именно осознанная зависть!

– Это вообще не зависть. Я не кадровый офицер, вот единственное, что ты можешь мне предъявить. Но хочешь ты того или нет, я полковник внешней обороны, кстати, такой же полковник, как Макс и как любой владетельный лорд. И в случае войны я помимо обороны Кларiona обязан вывести полностью снаряженный волонтерский пехотный полк... Не надо только отмахиваться. Я не умею ни шутить, ни играть. Этот полк существует, ежегодно проводит месячные сборы и двухнедельные маневры. Учения я впервые самостоятельно провел в восем-

надцать и с тех пор – каждый год, когда езжу в отпуск... Уфф... Надоело, хватит об этом. Ты как-то удивлялась, что в той эпической драке на пятисотлетие университета я не растерялся, а командовал очень грамотно. Ничего, что я умею это делать?

– Прости. Я погорячилась.

– Вот именно. Без пятнадцати час.

– И что?

– Тебе следует причесаться поостроже.

Я отлично поняла. Август не хочет продолжать разговор, и трудно осуждать его за это. Надо бы и мне держать себя в руках. Что ж такое: никак я не могу уговориться, подкусываю его при каждом удобном случае.

Я вздохнула и пошла к себе убирать волосы в гладкий пучок.

* * *

Оставшись в одиночестве, Маккинби закрыл лицо ладонями.

Что такое, почему он не сказал ей?.. Сколько можно? Маккинби, ведь ты не трус. Ну в чем дело?

Он посмотрел на опустевшее рабочее место Деллы. Офелия, Офелия... Какое красивое имя, только она не любит его. Она такая маленькая. Как настоящий хоббит. Маккинби отлично знал, кто такие хоббиты и откуда взялся сам термин. Тем интересней ему было проследить весь путь трансформации от литературных персонажей до профессиональной гильдии разведчиков.

«Ты чертовски симпатичный парень. Умница и добряк. Но вот проклятье: ты титулованный». Она так сказала две недели назад. Накануне она предложила ему жениться на ней. В такой форме, что даже он понял: это издевка. Жалел, что куража не хватило ответить: ловлю на слове. Впрочем, не имеет смысла. Делла чрезвычайно последовательна. Примерно то же самое, но другими словами она сказала несколько лет назад: «Я не встречаюсь с принцами».

Вот так, непреодолимое препятствие. Ведь его титул – это не просто титул. Кларион не зря назначали наследнику. Именно на Кларионе юные Маккинби учились ответственности. Они взяли на себя долг хранить для человечества это сокровище, эту чудесную абсолютно чистую планету. Отказаться от исполнения долга – бесчестье. Все очень просто.

А Делла любит Берга. Ему она титул прощает. Замуж за него не хочет, но любви его статус не помеха. Если ей сказать, что Берг мертв, будет только хуже. Она идеализирует его образ и навсегда останется разведенной вдовой.

Знала бы она, в каком состоянии Маккинби получили Кларион из рук Бергов... Да, двести лет назад. Но как можно так безжалостно обращаться с природой? Двести лет труда, и Кларион снова стал жемчужиной. А Берги по-прежнему рычат, что их ограбили.

Маккинби помнил, в каком состоянии получил Деллу. Затравленная, озлобленная. Униженная. Отчаявшаяся. На язык просилось слово «поруганная», но Маккинби даже мысленно не мог его произнести. Этим он вынес бы приговор не Бергу, а Делле. Все, что попадало в руки Бергам, быстро превращалось в сломанную игрушку, которой по забывчивости вымыли пол. Таким был Кларион. Такой была Делла. Маккинби выходил ее, выходил для своей надобности: он нуждался в помощнике. Тогда он сам считал, что растит себе именно помощника. Не стоит ворошить погасшие угли: все давно перегорело. И тут снова нарисовался Берг. Пришел на готовенькое. Ни стыда ни совести. Так было и с Кларионом. Но Кларион удалось отстоять. А Деллу?

У нее шрам. Чуть выше сердца. Делла сказала, что поехала на Сонно, выпила лишнего и упала в недостроенный колодец. Ободралась о металлический штырь. Что за бред... А вот интересно, как сейчас выглядит шрам на груди Берга? Тот, от сломавшейся шпаги, которую

внук одолжил у «дедушки Лайона»? Маккинби не стал сводить свой на левой руке, повыше локтя. А Берг? Свел?

* * *

Я вернулась на рабочее место за несколько минут до того, как Тед доложил о визитере. Август выглядел изнуренным. Когда успел так вымотаться? Меня ведь не было пятнадцать минут.

– Дурные новости? – предположила я.

– Нет.

Заглянул Тед, доложил, потом привел Тита Долорина. Поскольку адвокат пришел ко мне, а хозяин гостям не прислуживает, кофе нам подавал Тед.

– Мистер Долорин, если желаете поговорить с Деллой с глазу на глаз, можете пройти в гостиную.

Я взяла на заметку, что Августу жуть как любопытно. Иначе ушел бы до появления гостя. Август слишком хорошо воспитан, чтобы быть бестактным по одной лишь прихоти. Значит, он подозревает: его присутствие понадобится. А его присутствие может понадобиться, если Макс сотворил нечто из ряда вон выходящее.

Так-так, подумала я, а ведь ты знаешь о Максе куда больше, чем сказал мне. Неспроста, стоит тебе услышать его имя, ты напрягаешься, словно ждешь атаки. Очень интересно.

Тит Долорин произнес все положенные вежливые слова, затем вручил мне толстенный конверт. Август поглядел на него так, словно в конверте пряталась ядовитая змея.

– Кто запечатывал конверт? – отрывисто спросил он.

– Я, – удивился адвокат. – Год назад. Уложил все документы и поместил на хранение в сейф.

– Что за документы? Вы читали их?

– Не все, разумеется. Личное письмо моего бывшего клиента, адресованное госпоже Офелии ван ден Берг, разумеется, я не читал. А остальные не только читал, но и составлял.

Август расслабился. Чуть-чуть.

– Вы что-то подозревали? – уточнил адвокат благодушно.

– Да. Берг своеобразный человек. Он мог наткнуться на следы преступления и переслать улики бывшей жене для расследования. Но при том он неаккуратен и мог изъять документы с таким нарушением формальностей, что это сделало бы их краденными. К таким бумагам лучше не прикасаться незащищенными руками.

– О! – понимающе закивал Долорин. – Да, конечно. Я не учел специфику вашей профессиональной деятельности, лорд Маккинби. Действительно, приходит незнакомый человек, приносит нечто... Да, конечно, я понимаю вас. Вот, пожалуйста, моя лицензия. – Он протянул Августу свою карточку.

Август невозмутимо проверил, вернул.

– Прошу прощения, мистер Долорин.

– Нет-нет, это моя оплошность.

– Делла, можешь вскрывать конверт.

Я не встревожилась. Потому что, уйдя к себе, я причесалась за тридцать секунд, а оставшее время потратила на выяснение личности Тита Долорина. Да, это действительно поверенный Макса. А Максима Люкассена в общедоступной базе не значилось. Ничего особенного: он офицер на службе, есть масса причин, по которым его контакт не мог попасть в общую Сеть. Начиная с длительного спецзадания и кончая тем, что Макс тупо сидит в захолустном гарнизоне и режется с господами офицерами в покер, не высовывая носа за ворота, как материальные, так и виртуальные.

Из конверта на мой стол выпал небольшой ворох карточек с чипами, документ в несколько страниц толстой дорогой бумаги и конвертик поменьше. Я развернула документ и... и сначала посмотрела на Августа. С недоумением. Потом заново прочла первые строки.

Ошибки быть не могло.

Согласно этому документу, Макс передавал мне в доверительное управление все свое имущество. Включая титул и княжество. В права я вступала в день уведомления. Срок договора – пять лет. Если я произведу на свет ребенка, биологический отец которого Макс, все имущество переходит в полную безоговорочную собственность.

Август взглядом спросил, что там. Я встала и передала ему договор. Молча, потому что слов у меня не было. Вернулась за стол и распечатала маленький конверт.

«Милая, любимая Делла, ты так ненавидела мой титул, ты считала, что именно он мешает нашей любви. Возможно, ты права. Ты для меня дороже всего на свете. Мне не нужно ничего в этой жизни, кроме тебя. Наверное, ты удивишься, что я поступил так, как поступил. Делла, я не вправе просто отказаться от титула. Я обязан кому-то передать его. Передать сестре или матери? Наверное, для этого мне не хватило последней капли отчаяния. Они уничтожат все, что я создал, быстро и бездумно. И никому от этого не станет лучше. Поэтому я передаю все, что у меня есть, тебе. Долорин отказался составить договор о немедленной передаче. Возможно, он решил, что я помешался. Мне пришлось согласиться на отсрочку. Долорин надеялся, что я передумаю. Он хороший человек и сделал для меня очень много. В сущности, это он вытащил меня из дома и отправил в колледж. Я не хотел его обижать. Моим новым именем будет Максим Люкассен. Я дал слово не разыскивать тебя. Но вдруг тебе самой захочется увидеть меня? Я не буду ждать и не буду надеяться. Я не хочу связывать тебя. Но если вдруг – пусть у тебя будет возможность разыскать меня.

Хочу объяснить, почему доверительное управление на пять лет. Это максимально допустимый срок. Мы в разводе, иначе я оставил бы тебе все без условий и навсегда. Но по закону я не могу просто сделать тебе подарок. Какая глупость, верно? Это мой титул, мое княжество, мои деньги. Почему я не могу отдать их кому захочу? Мне обрыдло все, что связано с Сонно. Я не хочу туда возвращаться. По крайней мере пока там в целости все, что напоминает мне о нашем расставании. Может быть, ты сочтешь меня сопливым мальчишкой. А мне очень радостно от того, что в этом мире есть хоть один человек, с которым я могу быть абсолютно искренним, – ты.

Знаешь, если бы в том доме на Сонно жили только мы с тобой, я был бы счастлив. Поэтому я и не отвергаю до конца княжество. Пусть оно будет твоим. Это здорово. Да, мой поступок выглядит как ирония: ты отказывалась от титулов и стала княгиней. Мне это нравится. Мне нравится быть просто офицером, который мечтает о княгине, как Ланселот о Гвиневре. Ведь Гвиневра – это твое второе имя, я не запамятовал? Это куда лучше, чем быть принцем Гамлетом, тоскующим по Офелии. Делла, милая, я знаю, что тебе будет трудно. Прости меня. Не пугайся проблем. Долорин может стать отличным помощником, он и с княжеством поможет справиться. Долгов на княжестве нет, и еще самое малое три года у тебя не предвидится особых хлопот. Если, конечно, не разразится кризис, но я как финансовый аналитик сейчас не вижу никаких предпосылок. Можешь попросить помощи у Маккинби. Твой шеф очень ловко прикидывается дурачком и чудаком, но я-то знаю, кто он. Он такой же крупный землевладелец, как и я. И такая же титулованная сволочь, как ты нас всех называешь. Хоть он и твердит, что не смыслит в менеджменте, а в финансах и того меньше понимает, это он скромничает. Особыми талантами в этой сфере ему действительно похвастаться трудно. Если бы я вздумал заняться рейдерством, ему бы крупно не поздоровилось. Но тебе, особенно на первых порах, он помочь может.

Делла, я жалею лишь об одном: что у нас не было детишек. Мне бы очень хотелось курносую девочку, похожую на тебя, или озорного мальчишку, тоже похожего на тебя. Если бы у

нас были дети, не было бы трудностей с передачей княжества. Я задумался об этом в последний момент, поэтому, если можешь, прости за циничное решение. Уж что придумал, то придумал. Тит Долорин сообщит тебе номер моей ячейки в Банке Воспроизводства Человека. Если вдруг надумаешь, знай: любой мой биологический потомок – это бесспорный наследник. Долорин сказал, что, если ты родишь, он сразу оформит перевод княжества в твою собственность, ведь тогда ты уже будешь не разведенная жена, а мать наследника. Я не уговариваю тебя, даже не прошу. Просто знай, что есть и такая возможность.

Я всегда буду любить тебя. Макс».

Я аккуратно сложила письмо и убрала в конверт. Посмотрела на Долорина:

– Что будет, если я сделаю вид, что все это не имеет никакого отношения ко мне?

– Вас будут бомбардировать посланиями из налоговой службы.

– А если я напишу официальный отказ?

– Вы не можете.

Я удивилась. Посмотрела на Августа, он кивнул.

– Не знаю, насколько хорошо вы подкованы в имущественном праве, – сказал Долорин. – Доверительное управление – это, в сущности, форма завещания. Два важных отличия: во-первых, имущество передается наследнику при жизни завещателя, во-вторых, наследник не должен платить налоги с наследства. Очень милый способ законно обойти наше чудовищное налоговое законодательство. Но точно так же, как и завещание, доверительное управление оформляется без согласия наследника. Хотя обычно человека все-таки ставят в известность, – с долей смущения заметил Долорин. – В вашем случае действительно невозможно было оформить обычное доверительное управление, поскольку вы не родственница князя. С другой стороны, написать простое завещание на ваше имя тоже нельзя: его мгновенно оспорили бы в суде члены семьи Берг. Поэтому мы нашли ту единственную форму, которая позволяет перевести княжество в ваши руки, пусть и не сразу.

– Хорошо. Положим, я найду человека, который станет вести отчетность. Но через пять лет срок договора о доверительном управлении истечет. Что тогда?

– Тогда документы об отсутствии владельца поступят в Федеральный комитет по имуществу. В соответствии с законом о наследовании земли имущество может быть передано без условий только прямому биологическому потомку. Будет объявлен годичный срок, за который комитет обязан провести поиск биологических потомков последнего князя. Если таковых не обнаружат, наследство будет разделено между дополнительными наследниками, в нашем случае – матерью и сестрой князя...

Я нахмурилась. Долорин заметил это и быстро добавил:

– Поскольку речь о крупном земельном владении с титулом, оно будет не разделено, а выставлено на аукцион, и родственники князя получают наследство в денежном эквиваленте.

– Пожалуй, это лучше, – вырвалось у меня.

На лице адвоката не шевельнулся ни один мускул, но его глаза сказали достаточно. Он тоже оставил бы Сонно кому угодно, только не Валери и Татьяне.

– Можно ли ускорить процесс?

– К сожалению, нет. Придется ждать шесть лет.

– Очень жаль. Спасибо, мистер Долорин, я ценю ваше участие. Надеюсь, вы не осудите меня, если я не захочу принимать такой подарок.

– Разумеется, я с пониманием отношусь к вашему решению. Князь просил передать вам кое-что еще. – Он положил на мой стол темно-синий бархатный кубик. – И насчет ячейки в Банке...

– Благодарю вас, – перебила я, – мои обстоятельства не позволяют.

– О, – кивнул адвокат. – Впрочем, если вы передумаете, я всегда буду рад помочь вам.

– Да, конечно, – преувеличенно оживленно согласилась я, – возможно, обстоятельства переменятся, пять лет – срок большой...

Он добился, чтобы я завизировала факт передачи документов, и ушел. Я не стала провожать его до машины, перепоручив задачу Теду. Август уперся в монитор и никак не выдавал своего присутствия в этой реальности.

– Когда этот паскудник запомнит, что мое второе имя – Гвиневера, а не Гвиневра?! – взорвалась я. – К черту! Завтра же сменю имя. Официально. Пусть у меня везде и всюду будет написано: Делла Берг.

– Офелия – очень красивое имя, – сообщил Август монитору.

– Только меня от него уже тошнит! У-у, как иногда хочется набить морду папочке... и дядюшке... Два козла напились по случаю моего рождения... Блеснули начитанностью! Один за всю жизнь прочитал две книги: Устав и «Гамлета»! Второму в детстве мама про короля Артура рассказывала! Ага. Получи, фашист, гранату от советского солдата! Почему я не Татьяна, не Ирина, не какая-нибудь Ольга, которых пруд пруди?! Почему я не Наташа? Да хоть Никита! Нет, выпендриться решили, назвали младенца Офелией Гвиневерой! Даже имя правильно написать не смогли! А я теперь объясняй всем и каждому, что я не Гвиневра, у меня другое имя... Воспользовались, придурки, что суточный младенец им даже в рожу плюнуть не в состоянии, чтобы отомстить за такое издевательство...

– Гвиневера – это не ошибка, – поправил Август. – Есть и такой вариант написания.

Тут я окончательно взбесилась:

– А твое занудство – это, конечно, именно то, что мне нужно!!!

– А что тебе нужно?

– Мне нужно, чтобы ты прекратил лезть в мою личную жизнь! Я твой сотрудник, а не...

– Это ты уже говорила, – бесстрастно перебил Август. – Вчера. И две недели назад. У меня хорошая память. Или тебе кажется, что от повторения изменится смысл? Хорошо, давай начнем сначала. Совершим еще один круг. С чего мы тогда стартовали? С твоей фразы, что ты хочешь расчет. Я ответил, что перебежешься. Ты сказала, что я полный мудака и конченный кретин, даже бабу себе выбрать не в состоянии. Я точно процитировал? Ну и какие претензии? Ты первая начала.

– А ты заставил меня разойтись с Максом!

Август отодвинулся от стола.

– Делла, мне напомнить все, сказанное тобой за три года, о моей личной жизни? Все твои отзывы о моих гостях, все твои шпильки и издевки?

– Знаешь, одна выходка твоей бывшей, обстрелявшей нас, искупает все шпильки, издевки и занозы!

– У меня – Кэрл, у тебя – Берг. Он тоже отнюдь не ягненок.

– Он хотя бы не расстреливал нас!

– Да, он не хотел заодно со мной убить тебя. Поэтому отношения мы выясняли один на один. Делла, хватит. Квиты. В личную жизнь друг друга мы вмешиваемся оба, причем давно и привычно. Сомневаюсь, что это обратимый процесс.

– Ну конечно, – ядовито процедила я, – потому что ты так и будешь таскать меня на свои светские развлечения. Наше взаимное вмешательство с этого и началось? С того, что ты потребовал, чтобы я ходила с тобой? Ты ж боялся, что иначе тебя изнасилуют прямо у какого-нибудь бассейна или в кустах на заднем дворе.

Кажется, яхватила лишку. Август тяжело оперся локтями о стол, оглядел рабочее место, словно искал, чем бы заткнуть мне рот.

– Делла, ты можешь сказать прямо, чем недовольна? Или тебе непременно надо пару месяцев по женской привычке походить вокруг да около? И через пару месяцев нервотрепки

я внезапно узнаю, что, оказывается, ты хотела какую-нибудь чепуху вроде новых сережек, на которые не хватает денег?

Я опешила. Какой неожиданный поворот, однако.

– И что ты сделал бы?

– Через два месяца нервотрепки? Боюсь, что выгнал бы тебя. Под дождь, – уточнил он. – Чтоб остыла и пришла в рассудок. Потом, конечно, подарил бы тебе чертовы сережки.

Я хохотнула:

– Нет, спасибо. Мне абсолютно точно не нужны сережки. Если ты уже запасся, подари их своей очередной подружке. А я твой оперативник, а не женщина.

– Вот эту фразу ты произнесла двадцать третий раз за две недели, – удовлетворенно сказал Август. – Ты зачем-то утвердишь одно и то же, причем очевидное. Ты действительно не женщина. Будь ты женщиной, ты не носила бы одни и те же серьги полтора года, причем как в офисе, так и вечером.

Кровь плеснула мне в голову. Я вскочила и выпалила:

– А ты, конечно, определяешь женственность по количеству украшений?! Так женись на арабской новогодней елке: больше, чем на ней, бриллиантов ни на ком не бывает!

– Делла...

Я метнулась к двери, дернула за ручку – и чуть не вырвала себе руку из плеча. От боли посыпались искры из глаз, я схватилась за сустав и закричала зубами. Да еще струпья на спине зацепились за одежду, спину опалило кипятком.

– Открой дверь! – потребовала я.

– Не открою, – бесстрастно ответил Август. Судя по звуку, он находился отнюдь не за рабочим столом, а максимум в полутора метрах за моей спиной. Обычно меня восхищало это умение громадного мужчины перемещаться абсолютно бесшумно, но сейчас взбесило как еще одно доказательство его превосходства надо мной. – Разговор закончим – тогда иди.

– Пош-шел ты...

– Не буду напоминать, какой раз по счету ты произносишь эту фразу. Мне допросить тебя, чтобы ты наконец объяснила, в чем дело? Или хочешь, чтобы причину твоей злости назвал я? Хорошо, я назову. Ты не слепая и не дура, знаешь себе цену. И тебе, такой замечательной, предпочли другую женщину. Так?

– Да, я знаю себе цену. И знаю, как людей меряешь ты. Я для тебя хоть замечательная, хоть нет – не человек вообще. Я – быдлота. А эта дрянь – она тебе равна.

– Фиона?! С какой радости она мне равна?!

– В любом случае, Август, если ты думаешь, что я хоть на секунду задумалась о самой возможности каких-то отношений между нами, ты дурак. Я не ревную и не жду, что ты наконец согласишься на меня, такую замечательную. И не надо мне приписывать такие мотивы. Ты не можешь предпочесть мне кого бы то ни было просто потому, что я в этой системе координат отсутствую в принципе! Меня в ней нет!

– Но уж не потому, что я считаю тебя недостойной. Это ты себе выдумала, чтобы оправдать собственное ко мне отношение. Делла, это ты не считаешь меня ни человеком, ни женщиной. Ты как решила семь лет назад, что я принц и, значит, внимания не заслуживаю, так и до сих пор думаешь.

– Слушай, лучше открой дверь.

– А мне поговорить хочется. Я хочу знать правду. За что ты мне мстишь? За то, что я принц, верно? Ты даже не мне лично мстишь. Ты мстишь всему сословию, найдя удобный объект в моем лице. Тебя унижил Берг – но отвечаю за это я. Тебя изуродовал Энстон – отвечаю снова я. Тебя бесят мои подруги – и за это тоже отвечаю я. Я в твоих глазах вообще не имею права на какую-либо личную ценность. Я просто груша, которую ты колотишь, когда злость через край.

– Ну и какого черта ты терпишь, если все понимаешь? – выплюнула я и повернулась. Точно, стоял в полутора метрах от меня. Ноги расставлены, руки в карманах.

– Дурак, наверное, вот и терплю.

Я растерялась. Август вернулся к своему столу, а я покорно припелась за ним. Уселась на край клиентского кресла, уронила руки между колен.

– Прости. Не знаю, что со мной происходит.

– Два года без отпуска с тобой происходят. Это то, что на поверхности, – сказал Август. – С этого и начнем. С завтрашнего дня ты получаешь шесть недель отпуска. А чтобы ты не выдумала, как влезть в работу, я отправлю тебя на Кларион. И попрошу маму присмотреть, чтобы ты никуда не сбежала. Сбежишь – пеняй на себя.

– Я с ума сойду от скуки за это время.

– А я думаю, что нет. Заскучаешь – поинтересуйся, чем занимается моя мама. Дело тебе найдется мигом. А перед отъездом оставь мне доверенность на Сонно: я хоть разберусь, что там происходит.

– Когда-нибудь ты своим великодушием доведешь меня до петли.

– Еще и вытащить успею. Представляешь, как тебе будет стыдно и обидно?

– Да ну тебя. – Я рассмеялась и встала. – Кларион так Кларион. Надо ж хоть когда-то там побывать. Пойду собираться.

Уже дойдя до двери – снова! – я резко остановилась:

– Август? Тебе было стыдно и обидно, когда ты очнулся в реанимации, да? Ты жалеешь, что я тогда успела вовремя?

Он поднял голову:

– Нет, конечно, не жалею. Я люблю жизнь. И то, что я стараюсь сделать для тебя, – это в какой-то степени благодарность за то, что ты тогда успела.

Я кивнула, вздохнула, уже открыла дверь и снова встала.

– Август, раз пошел откровенный разговор, – сказала я. – Почему ты все-таки терпишь мое хамское поведение?

– Хорошо, что ты хоть сейчас поняла: оно действительно неприличное, – не замедлил позанудничать Август. – Разумеется, из-за твоих рабочих качеств. Возможно, ты права, и твой пол сильно сказывается на наших отношениях. Вряд ли я вписал бы мужчину в свою жизнь так плотно. Но мне кажется, сейчас не время об этом говорить. Ты вернешься из отпуска, и, если ситуация не стабилизируется, мы спокойно обсудим ее и примем какое-нибудь решение, комфортное для нас обоих.

Я выскользнула за дверь почти на цыпочках. Плотнo затворила ее за собой. Отошла метров двадцать по коридору и мысленно выругалась.

Ничего в наших отношениях я менять не хотела.

Значит, придется идти на крайние меры, чтобы «ситуация стабилизировалась».

Ладно, черт с ним. Рано или поздно это все равно пришлось бы сделать.

* * *

Маккинби стоял у окна и смотрел в сад. Как изменился ландшафт, однако. Он почти не обращал внимания. Знал, что Делла на досуге высаживает за домом какую-то нужную женщинам красоту. Иногда, гуляя, отмечал нечто новенькое. Останавливался, изучал. Однажды увидел огромный цветущий куст, под тяжестью которого сломалась хлипкая решетка, куст лежал на земле, пышные кудрявые цветы забрызганы землей после недавнего дождя. Вздыхнул, посетовал мысленно: ох уж эти женщины, разве трудно сразу рассчитать прочность подпорок? Ведь понятно, что куст в сухую погоду весит намного меньше, чем мокрый. Сделал надежную решетку, привязал к ней гибкие ветки, попутно оцарапавшись о бесчисленные шипы. Ага,

понял он, это должна быть роза – раз шипы, цветы и пахнет хорошо. Подумал и поставил напротив нее скамейку. Временами даже приходил туда посидеть. Через полгода роза снова поломала свою подпорку. Маккинби внес поправки в первоначальное мнение: похоже, женская недальновидность ни при чем, это роза такая. Сделал новую решетку. И в этом году тоже...

Ты идиот, Маккинби, сказал он себе. Ты конченный идиот и безнадежный кретин. Тебе задали прямой вопрос. Тебе прямо сказали, что выслушают и постараются понять. А ты что ответил? Ну чего ты строишь из себя загадочного и непонятого, а? Ты же внутри проще палки и сам это знаешь. Ты абсолютно такой же, как миллиарды других мужчин. Чуть поумнее – местами, ага, – чуть посерьезнее. Но такой же. И хочешь ровно того же самого, чего хотят миллиарды мужчин. Каждая женщина об этом знает. И Делла тоже. Ей больно, обидно, страшно, она боится одиночества, поэтому злится и кусается. Но она, что бы там себе ни думала, самая настоящая женщина. Не питай иллюзий, Маккинби: про тебя она все отлично понимает. Другое дело, что не хочет ничего решать, а для этого достаточно просто сделать вид, что не понимаешь. Она разведчик, у нее навык самообмана и непонимания развит превосходно. Знаешь же: «Если хочешь, чтобы в твою ложь поверили все, ты должен поверить в нее первым, и поверить безоговорочно». Делла так и делает. Она безошибочно дешифрует информацию, понимает, что ей это не нужно, не хочется или страшно, затем принимает решение «игнорировать» и убеждает себя, что ничего не поняла или дешифровала ошибочно. Процесс занимает доли мгновения. Ты ведь это видел, правда? Но тебе самому удобно это ненадежное равновесие. Она усиленно тупит, а ты строишь из себя загадочного. Парочка молодых идиотов.

Ты ведь понимаешь, за что она тебе мстит. Как всякое стихийное существо, она иной раз следует некой силе, которую люди именуют рукой Судьбы. Ты человек неверующий и образованный, ты-то понимаешь, что в действительности нет никаких рук, она считывает мельчайшие – твои же! – сигналы и реагирует на них без осознания. А ты знаешь за собой пару поступков, которыми гордиться нельзя. И помнишь о них каждую секунду. Ты сам чувствуешь себя виноватым, а она, конечно, наказывает тебя. Потому что в действительности именно об этом ты и просишь – каждым своим жестом.

...Семь лет назад он точно так же замер перед окном. Сейчас он стоит в помещении, тогда сидел на скамейке на улице. Но точно так же смотрел в окно. Лил дождь. Как и сейчас. Пахло мокрыми цветами и песком. Кампус засыпал. У тактиков вообще все было очень приятно в кампусе. Истинно хоббитское поселение: все дружат и рано ложатся спать, расползаясь по своим уютным норкам. Он сидел и неотрывно глядел на окно. Окно во втором этаже стандартного коттеджика на двоих. За этим окном готовилась ко сну девушка. Одна. Ему очень надо было поговорить с нею. Но у него разыгралось его стратегическое воображение, он едва представил, что будет после этой беседы – а вдруг прямо сегодня будет? – так его решимость словно рукой сняло.

Они познакомились, когда оба заканчивали второй курс. Странно, что не встретились раньше, у них же кампусы граничили, но так получилось. Что тогда произошло с Маккинби, он и до сих пор понимал плохо. С первого взгляда Делла ему не понравилась. Нет, не так. Она была очень хорошенькой, но совсем не в его вкусе – мелкая блоха. Тридцать сантиметров разницы в росте и вес ровно вдвое меньше, чем у него. Но прыгучая. Поэтому блоха. Острая на язык, задиристая, дерзкая. У нее было очень милое, почти правильное личико в ореоле тонких кудряшек, волосы очень красивого цвета – где-то между темно-рыжим и ярко-коричневым, точеная фигурка, обтянутая спортивным топом и шортами. Локоны она подбирала в тяжелый хвост на макушке, открывая ушки и длинную шею. Будь она хотя бы на десять сантиметров выше, влюбился бы без памяти. Конечно, если б она не острила, бомбардируя его шпильками с рекордной плотностью. Он все-таки предпочитал более женственных подруг: чувствовал себя взрослым мужчиной, а не подростком, который нуждается и в сексе, и в партнере для игр. В ней не было ровным счетом ничего загадочного, такого, за что девицы с Гуманитарки прозвали

ее ведьмой. И совершенно непонятно, с чего тут расчетливый сердцеед Берг потерял рассудок, да так надежно, что два года спустя найти не может.

Через несколько минут Маккинби оказался в том же положении, что и Берг.

Нет, это была не любовь с первого взгляда. Хуже. Абсолютное, исчерпывающее осознание – вот что это было. И тогда Маккинби первый и последний раз в жизни назначил романтическое свидание сам. Делла согласилась. Она не из тех, кто ломается. Если ей хочется – уговаривать не придется, не хочется – заставить не получится. Несколько мгновений, что они смотрели друг другу в глаза, были взаимными. Маккинби отлично видел, что понравился ей, она видела, что понравилась ему. Оба поняли, что встретили свою половинку. Вопрос закрылся еще до того, как его подняли. Надо сказать, Маккинби отнесся к случившемуся философски. Для начала признался себе, что, видимо, плохо знал собственную душу. Ему казалось, он представляет свой тип женщины. Нет, не представлял. Недаром же он не любил всех тех подружек, которые с этим типом совпадали. Мало ли чего он себе навоображал; для любви ему нужна вот такая женщина. Точнее, эта. Конкретно эта. И не надо вырабатывать никакие предпочтительные типы, потому что для любви достаточно одной-единственной, и он уже встретил ее. Что это любовь, а не ошибка, как было с Кэрл, он тоже понял сразу. Ему и в голову не пришло бороться с внезапным влечением. Зачем? Оно ведь прекрасно. Лучше побороться за счастье, чем с собой. Однако он и представить не мог, что бороться придется... с Деллой.

Спустя двое суток Делла отказала ему. Просто отменила свидание. С формулировкой «я не встречаюсь с принцами». Маккинби меньше всего ожидал именно такого ответа. Он мог бы понять, если бы девушка сказала: извини, за мной еще Берг бегаёт, вообще-то он нравится мне больше тебя. Но вот это?! А с Бергом она как встречается, если он точно такой же принц? Она еще и замужем за ним побывала! Одним словом, Маккинби решил поговорить. Отец с детства твердил ему: «Если девушка сказала «нет», значит, «нет» и никаких «почему». Ты мужчина. Умей принимать поражение». Но, поскольку причина отказа была несуровой, Маккинби подумал, что имеет право на объяснение.

Он подстерегал Деллу в «Ладье», куда она ходила каждую субботу, – Делла не пришла. Он занял позицию у баскетбольной площадки хоббитов, перелез через пятиметровый забор – Делла решила, что обойдется пока без спортивных игр. Тогда Маккинби провернул целую авантюру, сшив на заказ форму выпускника факультета и удалив с территории всех, кто в теории мог помешать объяснению: Кида Тернера, декана тактиков, Мелви, ее соседку по коттеджу, и Берга, который, как президент союза выпускников и обладатель ревливой интуиции, мог вломиться в самый неподходящий момент.

Все удалось.

И вот Маккинби сидит под заветным окном. Льет проливной дождь, а Маккинби смотрит на дверь, за которой его ждет счастье, и не шевелится. Потому что внезапно понял: ему сейчас все удастся. Он не получит никаких объяснений, зато заставит выслушать себя. И объяснять больше ничего не потребуется: Делла поверит ему. Будущее предстало ясным, словно нарисованным. Через пару недель он привезет ее в Шотландию, летние каникулы они проведут на Кларионе. Потом сам собой решится вопрос о неравном браке. Дед поймет, что Делла самая лучшая, и не станет возражать. Она хочет после учебы служить в армии? Прекрасно, Маккинби условится с двоюродным дедом, генералом Лайоном Маккинби. Лайон – безусловный кумир, бог Военного университета, Делла будет счастлива служить под его началом. А Лайон сам когда-то был женат на разведчице и потерял ее в бою. Ему ничего не надо объяснять. Он обрадуется, что появился под рукой настоящий хоббит, способный поднять на новый уровень всю его полевую разведку. Возможно, он будет использовать Деллу в поисково-спасательных работах. И на инженерной поддержке разведмероприятий. Но под огонь она не пойдет. А раз не пойдет – пусть служит. Маккинби даже задумался: а то и ему отслужить годик? Не помешает, для общего развития. Или отработать два-три года следователем в военной контрраз-

ведке. Отличная практика для инквизитора. Тогда они с Деллой смогут жить на одной базе. Года через три ее карьерные амбиции будут удовлетворены – и можно планировать будущее. Но что бы они ни придумали, все у них будет как у людей. Любовь, радость, счастье.

Маккинби не смог подойти к той двери.

В литературе такое поведение обзывается разными нехорошими словами: боязнь неуспеха, боязнь успеха, разные комплексы и синдромы. Бред! Маккинби точно знал, что произошло. Он оробел, потому что был слишком сильно влюблен.

Он ушел, не сказав ни слова и даже не постучавшись в дверь.

Делла так ничего и не узнала.

Несколько дней спустя они случайно встретились в кафе. Даже поболтали. Маккинби держался как ледяной. Она – как будто ничего не было. На каникулы она поехала волонтером в военный госпиталь вместе с Мелви, он – на Кларион, один.

Осенью их отношения наладились. Неожиданно. Стартовый отсчет пошел, наверное, с той эпической драки на пятисотлетие Четырех Университетов. Инквиза против филологов. «Факультет хороших манер» решил показать криминалистам, кто реально правит миром и будет править им в обозримом будущем. Чтобы урок запомнился, подонки с филфака пришли с группой поддержки в лице джедаев и прятали в рукавах столовые ножи. А инквиза стояла одна, и, как положено, с голыми руками. Тогда Маккинби усилием воли отключил тормоза: понял, что покалеченные и раненые будут неизбежно и лучше побить, чем быть побитым. Он ворвался в бой как берсерк, как нормальный шотландский хайлендер, всегда готовый убивать или быть убитым. Странно еще, как в общем шуме расслышал свист за спиной. Обернулся – и счет пошел на миллисекунды. Маленькая фигурка в сером – женщина – филолог с ножом наступает ей на пятки – схватил за длинные волосы – женщина рыбкой ныряет в ноги Маккинби, а он в развороте выносит колено над ее головой... и попадает филологу в лоб.

Треск был такой, что Маккинби решил: конец черепу. Делла потом сказала, что решила: конец колену. Потому что у филолога череп треснуть не мог, он же цельнолитой, это ж филолог. На самом деле оказалось, сломана переносица. Делла, стоя над стонущим телом, протянула Маккинби сбрую для связи и... садовую лопатку. Хоббиты узнали о драке за четверть часа до ее начала, решили поддержать инквизу, запросили помощь у кого следовало, ограбили оранжевую, поскольку никакого оружия у инквизы, конечно, нет, и пошли на выручку. Мелви заняла наблюдательную высоту на дереве, хоббиты разбежались по площади, раздав лопатки, грабли, куски шлангов и сбрую, чтобы все были на связи и в курсе событий. Вслед за хоббитами прибежали социопаты, паганели и даже эйнштейны, традиционно державшие сторону инквизы.

Маккинби едва удержался от хохота, глядя на девочку, протянувшую ему лопату. На эту самую красивую девочку в мире, которая пришла помогать ему драться. Вот, принесла в клювике оружие, правда ведь, хорошая девочка? И Маккинби сказал: «Принесла? Молодец. Теперь иди за мной и собирай трофеи». Он переключился на канал Мелви, взял на себя командование. Ни на миг не забывал, что на всем факультете он единственная полноценная боевая единица. Отнимал ножи у нападавших, а Делла их старательно собирала. Потом явилось тяжелое подкрепление: Берг, вразумивший своих джедаев, и колонна терминаторов под управлением любимого брата Деллы, Криса. Терминаторы вооружились пластиковыми столами из ближайшего кафе и использовали их как щиты. Они и остановили побоище, попросту разогнав всех дерущихся.

Джедаи выслушали от Берга краткую лекцию насчет своих умственных способностей, осознали, что филологи их поймали – филологи вообще больше ни на что не годятся, зато уж иметь и подставлять людей их учат на совесть, – устыдились, повинились и позвали инквизу выпить пива для примирения. Выпили. Делла шепотом пожаловалась Маккинби, что ужасно голодна. Он не хотел пить и устал от шума, поэтому через полчаса они сидели в «Ладье» и ели стейки, а потом Маккинби проводил девушку и проболтал с ней четыре часа на вахте.

Но все испортила его робость. Ему надо было найти в себе силы объясниться – тогда, в тот же вечер. Он отложил, потому что все случилось внезапно. И судьба наказала его.

Делла опять сошлась с Бергом, закончила университет, ушла служить. Глупо скрывать, что Маккинби следил за ее жизнью. И все равно не успел вмешаться, когда был нужен позарез. Понадеялся, что рядом с ней Берг, а Берг умеет справляться с любыми трудностями. Берг не справился, а Маккинби опоздал.

Когда он стоял в оперативном зале управления полиции Большого Йорка и смотрел на нее, сомнений уже не было. Да, костер давно затух, но есть моральный долг. И Маккинби собирался его выплатить. Он слушал злые слова Деллы и думал: «Я никогда больше не струшу. Я не брошу тебя».

Да, он знал, что Берг по-прежнему крутится рядом. Вроде бы Делла не одна. Но Маккинби больше не положится на умение Макса решать проблемы. Спасибо, хватит. Берг только создавать их умеет.

Нет уж, если хочешь, чтобы было хорошо, делай сам.

* * *

Делла улетела. Маккинби сам заказал ей билет и еще отвез в космопорт. Сделал вид, что хочет проконтролировать, а на самом деле уже пожалел, что выпроводил ее. Вернулся в разом опустевший дом, послонялся по комнатам. Сходил к собакам. Это же до какой степени он привык к Делле... Он легко отправлял ее в командировки, не считая их разлукой. Сейчас ее не будет шесть недель, а то и больше. Может, она и вовсе не вернется. Маккинби не знал, откуда в его рациональной голове взялось такое страшное подозрение, но с каждой секундой все сильнее убеждался: вероятность очень высокая. У Деллы многое в жизни переменялось. На нее упало княжество – Берг, мерзавец, даже из могилы отомстил! – а Делла ответственная. В отпуске она подумает, придет к совершенно естественным выводам – и попросится с Маккинби. Потому что у нее теперь есть более важные задачи. Есть, черт побери, долг владетельного лорда перед народом. И ведь нечего возразить: оперативников много, Делла вовсе не незаменима в профессии. Она незаменима лично для Маккинби, и не как ассистент, а как человек. Но там, на Сонно, живут миллионы – арендаторы, поселенцы, рабочие, – кто сказал, что они достойны ее заботы меньше, чем Маккинби?

Он сидел за рабочим столом и яростно тер виски. Через час синяки себе натру, подумал он и сжал руки в кулаки. Определенно надо чем-нибудь заняться. В голове ни единой мысли. Только обрывки и омерзительная жалость к себе брошенному. Если она сейчас и вернется, это ненадолго. Все равно бросит. Ну нечем ее удержать объективно. Ее железобетонную уверенность в собственной непригодности для него не переспоришь.

Интересно все же, на чем эта уверенность зиждется? Ведь она была и раньше. Берг обмолвился, что ему регулярно приходилось терпеть истерики Деллы. Делла отказывалась понимать, что их пресловутая разница в образе мыслей – это разница возраста и опыта, а вовсе не происхождения. Со многими девушками своего круга Маккинби чувствовал: там не разница, а форменная пропасть. Разницу можно компенсировать, это чисто техническая задача. А пропасть незаполнима. С Деллой пропасти не было. Да и особой разницы тоже. Он помнил, как привел ее в Капитолий на Большом Йорке. Через две недели домоправительница как бы невзначай спросила: правда ли, что его новая ассистентка была замужем за принцем? Маккинби ответил: правда. Домоправительница кивнула и сказала: чувствуется. Девушка умеет править домом и со слугами обращается привычно-ровно – без заносчивости и заискивания. Маккинби не стал уточнять, что замужество продлилось несколько месяцев, ни к чему. Это умение у Деллы было врожденным.

Строго говоря, у нее фобия. Непреодолимый страх несоответствия, неодобрения. Стоит посмотреть, что у нее за отношения с родителями. Отсюда и тяга к рискованной профессиональной деятельности: в конечном итоге Делла стремится к героической гибели, которая как бы оправдает ее никчемность или нежеланность.

Н-да, проблема. Раз проблема, давайте решать. Маккинби привычно взялся за бумагу и стило. Если бы кто увидел его «записи», сделанные во время одиноких размышлений, сильно удивился бы. Выглядели «записи» как хаотические каракули и завитушки. Тем не менее сам Маккинби прекрасно читал их. Нет, это не шифр. В каракулях не было ничего постоянного. Он просто помнил, о чем думал в тот момент, когда рисовал ту или иную загогулину.

Через полчаса у него созрел не самый худший план. Реализацию он начал со своей матери.

На мониторе появилось идеальное, словно с картин Рафаэля, лицо леди Элен.

– Мама, я отправил Деллу на Кларион. В отпуск. Вас с отцом не затруднит взять ее к себе домой?

Мама покачала головой с мягким неодобрением:

– Август, я хотела тебе сказать: это может быть неуместно. Мне кажется, ты делаешь серьезную ошибку, так сильно смешивая личную жизнь и работу. Даже у слуг-инородцев должно быть личное пространство. Ты отобрал личное пространство у Деллы. Я понимаю, что она дает тебе необходимое общение, но ты тоже должен понимать: она живой человек.

– Мама, – дождавшись паузы, сказал Маккинби, – я хочу, чтобы ты послала кого-нибудь на Сивиллу встретить Деллу с рейса. У нее билет на внутренний рейс, но я опасаюсь, что она с Сивиллы рванет куда-нибудь еще, в более любопытное место. А она вымотана, у нее нервное истощение от переработки, но отдыхать она не хочет. Поэтому я выпроводил ее на Кларион и хочу, чтобы Делла пожила у вас. Если ты полагаешь, что это стеснит вашу с отцом свободу, пусть Деллу поселят в доме на берегу. Можешь использовать ее как волонтера в своей благотворительности. Я хочу одного: чтобы она шесть недель не возвращалась к работе.

– Сын, может быть, ты скажешь, что происходит?

– Ты сама видела.

– Я видела, что вы ссорились. И должна тебе сказать, что огорчена твоей несдержанностью.

– Мама, – вздохнул Маккинби, – я сам знаю. Мне нужно время разобраться.

– Ты разбираешься уже несколько лет.

– Да не в себе, со мной все ясно. В проблеме.

– Мне казалось, проблема только одна: кое-кто не находит в себе достаточно смелости, чтобы принять хоть какое-нибудь, но определенное решение.

– И ты удивишься, но это не я. Мама, я прошу от вас с отцом одного. Этой девушке я обязан жизнью. Пожалуйста, отнеситесь к ней именно так – как к человеку, который сохранил вам сына.

– Да, разумеется, мы помним о том, какое участие она приняла в тебе, когда случилось это несчастье в университете...

– Да при чем тут несчастье? Просто Джо Леверс решил, что подвернулся удобный случай проредить поголовье Маккинби... Оставим. Договорились?

– Как скажешь. Хорошо, мы встретим Деллу. Звони почаще, сын.

Что ж, на маму он всегда мог полагаться. Строго говоря, на отца тоже. С отцом у него были непростые отношения, хотя если разобраться – очень простые. Как только Август перестал быть младенцем, отец начал выстраивать дружеские отношения с сыном. И да, они были друзьями. Но в какой-то момент Маккинби понял: отец значительно мудрее и если узнает, что перед сыном трудная задача, то быстренько ее ликвидирует. Маккинби это задевало. Он давно взрослый, сам справиться может. Да, отцу одной левой все это... но хочется-то самому! Такая

борьба самолюбий привела к тому, что Маккинби избегал говорить с отцом откровенно, если речь заходила о проблемах. Поскольку этого добра всегда хватало, он вообще избегал доверительных бесед. А другие у них не получались.

С дедом он поступил просто – отправил ему копии всех документов, которые Делла получила днем от Долорина. Деду всяко нужно ознакомиться с ними, иначе будет задавать слишком много вопросов. А Маккинби уже начал уставать от речевого общения. При том, что работа только началась.

Следующим он побеспокоил Долорина:

– Мистер Долорин, вы не успели покинуть Таниру?

– Нет. Я думал даже задержаться на несколько дней. Тут замечательные источники, а возраст уже требует некоторого внимания к здоровью.

– Иначе говоря, вы надеетесь, что Офелия ван ден Берг подумает и поймет, что без вашей помощи не обойдется. А вам, конечно, очень хочется сохранить такого клиента, как князь Сонно, как бы его ни звали.

Секунду-другую адвокат молчал, потом ответил подчеркнуто сухо:

– Не могу сказать, что вы так уж не правы.

– Извините, я слишком туманно выразился. Попробую без обиняков. У меня есть основания полагать, что Сонно для вас не просто работа. И Максимилиан ван ден Берг, юный повеса, который хотел только одного – блистать, неважно, на каком поприще, обратил свои лучшие качества на пользу княжества благодаря некоторому внешнему толчку. Зная его семью, я просто не представляю, кто там мог наставить Берга на путь истинный.

– Скажем так... – Голос адвоката заметно потеплел. – Сонно для меня – любимая работа. На протяжении многих лет.

– Значит, мы друг друга поняли. Офелия уехала, но оставила мне доверенность на ведение ее дел. Вы могли бы зайти ко мне завтра в два часа?

– Да, конечно.

После этого пришлось сделать небольшой перерыв. Сначала пробился Крюгер и с видимым удовольствием сказал, что вызывал сегодня Фиону Кемпбелл для дачи показаний по делу о наезде на Офелию ван ден Берг. Фиона вела себя высокомерно, притащила с собой трех адвокатов, от всего отпиралась, и тогда Крюгер, как и было условлено, на прощание обронил, мол, он работает по материалам, переданным полиции инквизитором Маккинби. Так что готовьтесь к суду, девушка. Девушка фыркнула и сказала, что никакого суда не будет, а кое-кому еще и долго извиняться перед ней придется.

А затем Маккинби навестила его бывшая жена, Кэрол Монро.

К стыду своему, он совсем позабыл, что Делла накануне встречалась с ней и обещала дать ответ. Сроки давно миновали, и Кэрол решила: отличный повод провести бывшего, заодно и его поставить на место. Маккинби, когда ему доложили о визите, успел только распорядиться, чтобы в кабинет привели Брюса: Кэрол побаивалась собак размером крупнее кошки. Показывать ей Василису не стоило: та уж слишком здорова, да и цапнуть может, если гость начнет размахивать руками. А Брюс достаточно безобиден, чтобы не причинить реального вреда, но подарить нежеланному клиенту дискомфортные ощущения.

Кэрол вошла как королева. И тут же уставилась на собаку. А Брюс, виляя хвостом, полез здороваться. Маккинби отозвал его, уточнив для гостыи:

– Не кусается. Что-нибудь выпьешь?

Кэрол с сомнением оглядывала пса.

– Бренди, пожалуй. Зандер, что значит «не кусается»? Ты же привез этого монстра с Сибири, а там не собаки даже, а киборги! Они машину прокусить могут, не то что человека!

– С Сибири я привез другую собаку. Брюс с Клариона. Строго говоря, это собака Деллы, а не моя. А Василиса с Сибири сейчас занята, у нее недавно родились щенки.

– Так она не киборг?

– Почему?

– У киборгов не бывает детей.

– У сибирских – бывают, – терпеливо сообщил Маккинби. – А вот с модными киборгами от «Энимоушен», про которых говорят, будто они венец инженерной мысли, я бы тебе связываться не советовал в принципе.

Тед подал бренди и пепельницу. Кэрол достала сигареты и сказала:

– Я бросила. Так, иногда позволяю себе. А эти щенки – они такие же злобные? Мне говорили, что злоба у собак – следствие искусственного воспитания. И щенка от самой злобной собаки можно воспитать добрым. Если, конечно, пригласить кинолога.

– В известных пределах. Достаточно легко добиться, чтобы собака была ласковой к хозяину и его семье. Но снять агрессию совсем – не получится. Это врожденное и наследуемое качество. На чужих собака все равно может кинуться.

– Мне наплевать на чужих. Пусть любит только меня и Августу. Ладно, так и быть, еще Дика. Детенышей твоего монстра можно так воспитать?

Маккинби потер переносицу.

– Теоретически. Что это ты собаками заинтересовалась?

Кэрол отпила бренди и пояснила:

– Я больше так не могу. Моя дочь – чудовище. Ты не представляешь. Она заявила, что любит пауков!!! Боже мой, я вчера чуть не умерла с перепугу, потому что она принесла мне совершенно отвратительного паука прямо в кровать! Я впервые в жизни отшлепала дочь так, что она вопила на весь дом! Но она все равно ничего не поняла! Да провались все пропадом, я согласна на котеночка, щеночка, хомячка и даже крысенка. Если ей так нравится все дикое и агрессивное, пусть это будет какой-нибудь лесной кот, или сибирская овчарка, или пиранья в аквариуме, пусть это будет живой удав или ворона! Но ее интересуют самые отвратительные твари. Ей хочется скорпиона или паука, согласна на тараканов! Представляешь?! Она, так и быть, согласна на тараканов! А упрямая – сил моих больше нет. Это какой-то кошмар. Вот как упрется и знай твердит свое. В кого только уродилась, не понимаю. Добро еще, была бы действительно твоя... Но ей же совершенно не в кого быть такой несносной!

– В тебя, – предположил Маккинби.

Кэрол окинула его растерянным взглядом:

– Ты хочешь сказать, что я упряма и своевольна? Я?!

– Конечно. Ты чрезвычайно упорна и последовательна. Ты всегда была целеустремленной и волевой девушкой. Я ни капельки не удивлен, что твоя дочь такая же.

Кэрол отвела глаза. Compliment понравился ей.

– Я бы не советовал тебе заводить собаку, – продолжал Маккинби. – Если твоя дочь будет недовольна подарком, с собакой придется заниматься тебе. А ты их боишься.

– Ну вот еще. То есть я думала, что боюсь. О, теперь я знаю, что собаки – ничто на фоне пауков! Собаки теплые и пушистые, у них всего четыре ноги и глаза, похожие на глаза, а не на фонари. – Кэрол допила бренди.

– Да, а еще у собак есть привычка поедать насекомых. И может выйти конфликт, когда твоя собака слопает любимых тараканов твоей дочери.

– О! – воскликнула Кэрол. – Ты убедил меня. Решено. Я заведу собаку. Кстати, а где твоя секретарша?

– В отпуске.

– Интересно, – процедила Кэрол. – Я вчера ее видела – она ни слова не сказала.

– Не знала. Я выпроводил ее уже после того, как она от тебя вернулась.

– Еще интереснее. Она сказала, зачем я приглашала ее?

– Разумеется. Тебе сразу ответить? Оставь эту затею.

– Сама как-нибудь разберусь.

– Кэрол, тебе ведь об этой рукописи сказали в универе?

– Да. Я даже видела несколько страниц – копии, конечно. Там неповторимый стиль...

– Кэрол, это подделка, – перебил Маккинби.

– Зандер, из нас двоих источниковед – я, а не ты. Ты недоучка.

– Кэрол, эту штуку сфабриковали ради того, чтобы посадить в лужу меня. Мне дали не несколько страниц, а четыре главы. Я на втором абзаце сказал, что это подделка, и объяснил почему. Если тебе нужна именно эта рукопись – не вопрос, я достану ее. Но умоляю – не позорься. Это новодел.

– Достанешь оригинал?

– Конечно.

– Достань.

Маккинби опустил руку, открыл ящик стола, вынул тщательно запечатанную плоскую коробку и протянул ее Кэрол:

– Держи. Осторожно, тяжелая – все-таки аутентичная бумага.

Кэрол непритворно удивилась:

– И давно она у тебя?

– Со второго курса. Я отобрал, чтоб ее не подсунули тебе. Мы тогда уже развелись, но зла тебе я не желал. Просто представил, как тебе будет тяжело пережить это разочарование.

Она бережно приняла коробку.

– И никакой надежды, что она хотя бы по черновикам Мэрилин написана?

– Ни-ка-ких. Но, знаешь, у меня по этому поводу есть встречное предложение.

Кэрол заметно огорчилась и предложений не хотела. Но притворилась вежливой.

– Мистификация, – коротко сказал Маккинби.

Кэрол выразительно поморщилась.

– Нет, это не то, что ты подумала. Мы сделаем настоящую мистификацию. Мы с тобой вдвоем доработаем этот роман... Кстати, я читал – сама по себе вещь роскошная. Она просто обречена на успех – оторваться невозможно. Опубликуем. И поглядим, как обделается все это «научное сообщество». Пару филологов, которые могут нас выдать, я предупрежу, чтобы помалкивали. А остальные – пусть.

– А автор? Если новодел...

– Автору я заплатил еще тогда. В том числе и за отказ от авторства. Владелец этого романа – я. Со всеми правами.

– Хм.

– Мне самому интересно, сколько человек с нашего курса не распознают новодел.

– Это да. Говоришь, рукопись имеет коммерческую ценность?

– Имеет.

– Хорошо. Я прочту и скажу, что думаю. Но идея мне нравится. Нам бы еще филолога в компанию...

– Эмбер Мелроуз-Рассел?

– Думаешь? Она сильный филолог, но викторианка.

– Для начала она прекрасный стилизатор.

– Я поговорю с ней. – Кэрол протянула ему опустевший бокал: – За это надо выпить. Ты как хочешь, а мне после пауков необходимо.

Пока Маккинби наполнял ее бокал, она решительно вскрыла упаковку и быстро просмотрела первые листы рукописи. Брови Кэрол сдвинулись, лицо сделалось холодным и отрешенным. Она читала по диагонали, иногда возвращаясь к предыдущим абзацам. Маккинби подал ей бренди. Кэрол отложила рукопись, снова закурила. Пригубила.

– Ты прав. Коммерческий потенциал есть. Но, Зандер, я тоже распознала бы подделку. Должна отметить, стилизация отличная и фактура есть, но... но в нашем семейном архиве хранятся редкие интервью с Мэрилин. С ее живой, нередактированной речью. Про этот текст можно сказать, что его делали по рассказам Мэрилин – только ее руки тут нет. На прямой речи разница заметна. – Она очень вкусно затянулась, запив дым бренди. – Дженни Сава писала?

Маккинби промолчал.

– Да она. – Кэрол засмеялась. – Больше просто некому. У остальных нет ни таланта, ни умения, ни желания. А вот Сава могла... Знаешь, а ведь для меня лестно, что это сделала именно она. Я никогда не рассказывала и сомневаюсь, что она хотя бы намекнула тебе. У нас был роман. Она всегда держалась недоступной, равнодушной к женщинам. Но... если бы она и в самом деле была так равнодушна ко мне, то не сумела бы это написать. Здесь видна любовь. Значит, все-таки она любила меня... Приятно. Позвонить ей, что ли... – У Кэрол затуманился взор.

– Дик жаловался, что ты отбилась от рук.

Кэрол сморщила носик:

– Пошел он... Надоел. Пусть сначала докажет, что не заказывал моего отца. На отца, положим, мне наплевать, а вот братьев жалко. Зандер, а то возьмешься за расследование?

Маккинби отрицательно покачал головой.

– Но почему? Ты же не боишься.

– Потому что уже наводил справки. Кэрол, следы затерты. Хорошо затерты. Положим, уничтожить их полностью нельзя. Но мне потребуется год работы, чтобы установить личность убийцы и заказчика. И моих данных не хватит для суда. Стоит ли рисковать, если осудить убийцу не получится?

– Всегда так. А чисто для меня сделаешь? Мне суд не нужен.

– Чисто для тебя – с вероятностью в девяносто процентов Дик ни при чем.

– О как! А я думала...

– Твой дед просто воспользовался случаем укрепить дурную репутацию. Почему бы и нет, если мнишь себя дьяволом во плоти? Безопасно и выгодно.

Кэрол любовно похлопала ладонью по рукописи:

– Возьму себе. Мне нравится идея с мистификацией. Да и повод позвонить Саве есть... ей в любом случае придется укоротить язычок и подрезать амбиции. Ты сегодня идешь к Тэгги?

– Нет, работы много.

– Какая жалость, – с заметной ехидцей произнесла Кэрол. – А то там ждут Фиону Кемпбелл.

– Ты соскучилась по грязным скандалам?

– Да ну! Мне просто хочется, чтобы она получила по заслугам.

– Не слышал, чтобы вы ссорились.

– А мы и не ссорились. Как можно поссориться с такой дурой, как Фиона? Ведь для этого сначала с ней надо подружиться. А она не в моем вкусе. Просто она слишком хорошо о себе думает. Это неприлично. Вот зачем, спрашивается, смачно рассказывать мне, как она окрутит моего бывшего?

– Ты же вроде не ревнивая.

– Разумеется! – воскликнула Кэрол гневно. – Но это не значит, что я готова терпеть хамство. – Помолчала. – Само собой, я и не стерпела. Но хочу добавить. Представляешь, она мне во всех подробностях рассказала, каков ты в постели. А я ей сказала, что трахать ты способен кого угодно, но хочешь-то только свою секретаршу!

Маккинби кашлянул. Кэрол победоносно усмехнулась:

– Думаешь, это так-таки никому не заметно? И никто не обращал внимания, как тебя перекашивало, едва к ней приближался Берг?

– Правда, так заметно?

Кэрол величественно кивнула.

– Слушай, а чего ты, в самом деле?.. Давно бы разложил ее, раз такой каприз.

Маккинби сделал вид, что не слышит.

– Понятно, – Кэрол ехидно рассмеялась, – это не каприз, а большая и настоящая любовь. Ах, как мой дедушка огорчится! У тебя шансы-то повыше, чем у него.

– А Дик так и не уговорился до сих пор?

– Не-а. Единственная женщина, которая его бросила. Представь, как он уважает ее. Зан-дер, а начистоту: что в ней такого особенного?

Маккинби подумал и пожал плечами:

– Не знаю.

– Ну что, ты сам не разобрался?

– Нет. Мне плохо, когда ее нет, и хорошо, когда она есть.

– И когда ты понял?

– Сразу.

– С первого взгляда? – поддела Кэрол.

– Ну да.

Она растеряла кураж. Пришла ее очередь покашливать в кулак.

– Ладно Фиона – я ей сказала, что ты безнадежен. Я даже сомневаюсь, что ты, укладывая в постель очередную вертихвостку, видишь именно ее, а не воображаешь на ее месте свою Деллу. Ты либо никогда больше не женишься, либо женишься на ней. Почему до сих пор не женился, не знаю, может, надеешься Скотта Старшего взять измором и добиться разрешения на явно неравный брак. Что такое твой дед, я отлично помню, иллюзий не имею и никому не советую. Еще вопрос, кому меньше повезло с родственниками, мне или тебе. А тебе даром не нужны проблемы. Кстати, я Фионе сказала, чтоб она особо губешки-то не раскатывала: с точки зрения твоего деда, разницы между ней и Деллой ну ровным счетом никакой. Делла еще и предпочтительней покажется, зуб даю. У вас же в традициях отобрать жену у Берга. Так что в этом смысле ты вполне следуешь семейному примеру. Фиона взвилась, конечно. Ну как же, она офигеть какая достойная цаца, ей весь мир что-то должен. Еще и красавицей себя считает.

– Н-да?

– Вот именно. И она мне заявила, что добьется этого брака. А твою секретаршу уберет, если понадобится – то в прямом смысле.

– Это она конкретно тебе сказала?

– Да. Я считаю, это просто неприлично. Мерзавку надо поставить на место. На ее истинное место. Так что там, я слыхала, следствие началось? С удовольствием выступлю свидетелем.

– Ты серьезно?

– А кто мне запретит? Дедуля? Ха-ха. Давай оформляй меня, великий инквизитор.

Маккинби включил запись. Кэрол, явно наслаждаясь, надиктовала показания. В процессе она все чаще прикладывалась к бокалу и через час заметно опьянела.

– Вызвать тебе такси? – предложил Маккинби.

– Ну вот еще! Я сейчас еще выпью и поеду в клуб. Там та-акая новенькая певичка! И не смотри на меня. Я взрослая женщина, была замужем, имею дочь, которая любит пауков и разводит тараканов. Мне – можно!

Когда Маккинби все-таки выпроводил Кэрол, то почувствовал себя опустошенным. Так было всегда. Она болтала вроде бы и немного, но бессмысленно, прыгая с темы на тему, меняя тональность речи. О том, чтобы работать после общения с ней, нельзя было и подумать. Маккинби решил хотя бы полчаса подремать, тем более что утром поднялся слишком рано.

Через час он вернулся в кабинет с мыслью, что лучше бы и не засыпал.

* * *

Я обошла дом и посмотрела на окна. В спальне Августа горел свет. В пять утра. В это время он либо спит, либо кувыркается с очередной подружкой. Что ж, пока меня нет и домашние ссоры исключены по определению, парень отрывается. Вот бедолага Август: вынужден прятаться от собственного ассистента.

Свет горел и в кабинете: наверное, Август забыл его выключить. Я распахнула садовые двери и на цыпочках прокралась внутрь. Надо зайти в кабинет – поставить Мэри Энн на место, написать записку Августу, что я вернулась, а то он с утра наступит на меня в кухне и будет икать от неожиданности. И свет выключить, конечно.

Я вошла в кабинет и застыла. Положив голову на руки, за своим рабочим столом мирно спал Август. Я бесшумно поставила Мэри Энн, подкралась к клиентскому креслу и села. Смотрела на него и улыбалась. Подумала, что не надо записок, я передвину Мэри Энн так, чтобы он увидел ее, едва подняв голову. Поймет.

Август пошевелился, сделал попытку выпрямиться, но не справился с задачей. Распахнул сонные глаза, уставился на меня. Опустил подбородок на руки. На лбу у него отпечаталось красное пятно.

– О, мой верный хоббит, – внятно произнес Август.

Помолчал, подумал и добавил:

– Мой маленький верный хоббит. Пришел мой верный хоббит и принес в клювике планету. Раньше носил лопаты, теперь планеты. Я скучал без тебя. Где тебя носило?!

– Сам меня в отпуск отправил.

– Отпуск... а мне тут каково, ты подумала? Не нужны мне эти планеты, мне ты нужна... – Спихнул, прижал пальцы к губам: – Ничего не скажу. Ты, конечно, мне только снишься. Но тогда я тоже думал, что брежу. Спасибо, больше ничего не скажу. Даже во сне. Перебьешься. Бросила меня... Офелия, будь человеком – возвращайся. Честное слово, мне так тухло одному.

Я слушала его болтовню и улыбалась.

– Ты чего в кабинете уснул?

– Да? В кабинете? Нехорошо, плохо... Ай-ай-ай, как неприлично. Сейчас. Пойду в кровать. Офелия, отведи меня куда-нибудь, только не туда. Не могу. Мне там страшно.

– Пойдем, – сказала я и взяла его за запястье.

Он покорно встал и пошел за мной, свободной рукой придерживаясь за стену. Черт, что у него тут случилось, если он боится ложиться в своей спальне? А может, и ничего. Он же спит. Подумаешь, глаза открыты и разговаривает. Ничего не значит.

Я решила, что выйдет славная шутка, если Август проснется в моей спальне. Привела его, он послушно сел на кровать. Я раздела его, оставив только трусы, сняла защелку с хвоста волос. Август, который уже закрыл глаза, деловито стянул трусы и вручил их мне. Потом залез под одеяло и повернулся на бок. Обычно спал на спине. Я укрыла его, поставила свой чемодан на видное место, развесила его одежду на стуле.

Он спал так тихо и надежно, что я спокойно переоделась, приняла душ с дороги и пошла завтракать. Из чистого любопытства заглянула в его спальню. Никого и ничего, идеально застеленная кровать, все светильники включены и даже запаха человеческого нет. Август сюда не заходил неделю. Вот и оставляй его без присмотра.

Есть не хотелось, да и повар еще не проснулся. Я сварила гречневой каши в сметане для Августа, а себе – кофе. И пошла разбираться с делами. Надо же войти в курс событий.

Журнал событий выглядел так, что я не поверила своим глазам и полезла перепроверять даты. Нет, никакой ошибки. За неполных два месяца моего отсутствия Август проделал годичный объем работы. Надо же. Может, мне почаще уезжать, если у него в одиночестве такая

бешеная работоспособность? Я заглянула и в журнал расхода боеприпасов. Похоже, он еще и без оперативника обошелся. Августу это особенно трудно, он слишком заметный, но вот, пожалуйста, сам шлялся по Танире и как минимум один раз куда-то стрелял, надеюсь, в потолок... В базе, где я оставила перед отъездом с полсотни неотвеченных заявок, было пусто. Я отлистала журнал событий на дату своего отъезда и стала вникать.

Наш журнал имел довольно странный вид. Август, разумеется, вел рабочую документацию, как его научили на факультете, вел педантично и старательно. В журнале событий регистрируется решительно все, что имеет отношение к деятельности инквизитора: звонки, визиты разных лиц, выезды, переговоры и так далее. Когда в приемной поселилась я, первое время журнал велся как положено. Но уже через год он превратился в дневник нашей жизни. Теперь сухие деловые строки перемежались записками вроде: «Август, ушла гулять, буду к полуночи» или: «Делла, свари каши, пожалуйста». Примерно раз в квартал я занималась редактурой – вычищала из журнала заметки, не относящиеся к делу.

Последние два месяца были просто криком души. Начинался этот долгий вопль с записи: «Проводил Офелию. В доме пусто». Собственно, почему Офелия? И во сне он называл меня Офелией. Дальше шли убогие, плотно набитые текстом пункты. Позвонил маме, договорился о встрече с Долорином, провел переговоры с Фионой... О, она тут была еще раз? Переговоры со Скоттом Маккинби по поводу Сонно, решение обсудить с Офелией, переговоры с Долорином, переговоры с тем-то, тем-то, тем-то... уладил вопрос с Кэрл Монро... взял контракт, закрыл контракт, взял контракт, закрыл контракт, звонила мама, они с Офелией летят на Землю, взял контракт, закрыл контракт... И после каждой пары пунктов фраза: «Не могу работать. Голова пустая, как барабан». Почти сразу появились записи о ночных страхах: «Приснилось, что Офелия умерла. Лучше пойду поработаю». «Приснилось, что Офелию убили. Господи, сколько крови! Пойду поработаю». «Приснилось, что Офелия в беде. Не успел. Ее убили, но испустила дух у меня на руках. Пойду поработаю». «Приснилось, что Офелию казнили. Пойду работать». «Не могу спать. Кровь, кровь, кровь. Работать тоже не могу». «Приснилась казнь. Офелию казнили вместе с Бергом. Завтра пойду к психологу». «Никогда больше не пойду к психологу. Она дура. Работа – лучшее лекарство». «Заставил себя досмотреть кошмар. Офелию казнили вместе с Бергом. Посадили на кол. Вокруг странные люди, в длинных плащах на голое тело, одни мужчины. Много крови». «Не могу ни спать, ни работать. Схожу с ума. Звонила мама, она задерживается на Земле и без Офелии не обойдется. Никто не думает обо мне».

Я просмотрела закрытые контракты – больше ради любопытства. Мне было интересно, права я в своих подозрениях или нет. Конечно, выслушивая клиента, мы сразу делали какие-то предположения. Особенно любила строить версии я. Ого, совпадение – процентов шестьдесят. Учусь, учусь.

Надо отметить, что поначалу меня здорово шокировала моя неспособность понять, кто преступник. Я привыкла считать себя хорошим разведчиком и самонадеянно полагала, что в амплу оперативника буду поражать воображение. Ну да. В первые три месяца я угадывала хорошо если один раз из двадцати – и то в случаях, когда Август вовсе не брался за работу, считая результат очевидным для всякого дебила. Я тогда здорово подрастеряла амбиции. Потом до меня дошло, что у разведчика и следователя абсолютно разная специфика. Разведчик собирает информацию. И только. А следователь анализирует. Я, разумеется, азам аналитики обучена, но именно что азам. Более того, разведчика мало волнуют мотивации преступника – куда важнее, как компрометирующие факты биографии использовать для решения текущей задачи. А у следователя сама задача принципиально другая. И мозги под его задачи должны быть отстроены иначе. Поэтому я смирилась с открытием, что не самая умная, и принялась потихоньку учиться у Августа, расспрашивая его, как он пришел к тому или иному выводу. Спустя год у меня начало получаться.

Я нашла в документах записи, касавшиеся Сонно. Август возобновил контракт с Долорином, теперь у меня есть поверенный, я внимательно изучила условия договора. Скотт Старший предлагал довольно изящную схему, при которой Сонно мягко переходила в руки Маккинби. Если не принимать в расчет тщеславие семьи Берг, схема прекрасная. По крайней мере, насколько я видела, решался главный вопрос: положение четырнадцати миллионов поселенцев. Они получали надежное, стабильное управление и внятную программу на будущее. Пожалуй, соглашусь.

Я потратила на ознакомление половину дня. Прислуга обрадовалась моему возвращению, рассказала, что Август был как робот. Даже про коллекцию почти забыл. Ни на какие вечеринки не ходил, только работал. Не отдыхал.

В два часа дня в кабинет вошел Август. Подтянутый, безупречный, отчужденный. Я успела принять три звонка, отчиталась ему.

– Позвони, – он показал на первую заявку, – и скажи, что муж изменяет со сводной сестрой секретарши, причем втайне от секретарши, та противница адюльтера и мигом выдала бы любовников. Серьги не украдены, их подарил блудный муж.

– Как ты догадался?

– Никак. Я просто видел эту парочку, причем на девице были не подходящие по стилю серьги. Слишком вычурные и явно старинные. Звони-звони, гонорара такая работа не стоит.

Он сел за стол, раскрыл монитор и уставился в него с самым серьезным и озабоченным видом.

– Я пролистала журнал событий – Август, ты работал как вол.

– О черт! Я забыл почистить журнал. Не обращай внимания: я по натуре довольно эгоистичен. Когда уверен, что меня не разоблачат, оставляю подобные заметки, чтобы как-то бороться с эгоизмом. Как отдохнула?

– Мне перед отъездом тоже кошмары снились. Может, тебе надо отдохнуть? Голова не казенная.

– Все выяснилось. У них сломался погодный спутник. Все большие климатроны как взбежились. А я метеозависимый.

– Да, конечно, – вежливо согласилась я, давая смешок. Август, похоже, думает, будто я не знаю, как устроена система регуляции климата. Он вообще, когда начинал врать на ходу, очень смешно палился.

Он бросил на меня косой взгляд.

– Не знаю, как я оказался в твоей спальне, – сказал он. – Наверное, переутомился. Вроде никогда не ходил во сне. Засыпал у себя...

Я расхохоталась. Август смутился.

– Когда я приехала, ты мирно спал – только не в спальне, а здесь, на столе. В свою спальню ты идти отказался, поэтому я отвела в свою.

– Надеюсь, я раздевался без тебя, а ты просто сложила мою одежду?

– Раздевала тебя я, потому что ты сидел на кровати с закрытыми глазами и ничего не делал. Сам ты снял только трусы и торжественно вручил их мне. Как награду.

– Прости, – выдавил он, отводя взгляд.

– Зато я поняла, каким ты был в три года. Небось так же отдавал нижнее белье няне – с сознанием важности миссии, с гордостью за исполненный долг. Ты был так очарователен, что мне захотелось поцеловать тебя в лоб. Вовремя вспомнила, что тебе давно не три года. Тебе интересно, что еще ты делал предосудительного? Болтал вслух. Нес чушь. Больше всего тебя возмущало, что раньше я носила в клювике лопаты, а теперь планеты.

Август непритворно удивился:

– Интересно, что мне в этот момент снилось? Да неважно, это точно лучше того, что снилось в последние два месяца. Ты читала. Я даже подумал о разных суевериях, потому что

обычные страхи могут пробиваться в кошмарах, но не с такой регулярностью и не с таким устойчивым сюжетом.

– А что сказал психолог?

– Как всегда. По-моему, это она больна. При чем тут регулярная половая жизнь, которой, по ее мнению, мне недостает? Я к ней пришел, чтобы она выписала мне какой-нибудь успокаивающий препарат, а вовсе не за дурацкими рассуждениями. Я сам могу работать психологом, что она мне тут будет рассказывать? Лучше ты Расскажи, что делала.

– Несколько дней отдыхала на Кларине. Он еще прекраснее, чем ты описывал. Хотя я там в основном спала. Потом мы с твоей мамой полетели на Землю. Твоя мама – ангел. На Земле я почти все время провела в четырех стенах и в больничном саду. Воспользовалась случаем решить одну старую проблему.

– Что-нибудь серьезное? Ты болела? Понятно, сейчас у тебя реабилитационный период...

– Нет. У меня никаких ограничений, кроме стандартных – почти все виды алкоголя, никотин, пряности. Кофе можно, но немного. Остальное как обычно, в рамках разумного. Я избавилась от одной из старых травм. Она никак не мешала мне работать, но порядком портила жизнь. Через полгода мне придется просить у тебя отпуск, чтобы провести дополнительный курс уже для гарантированного успеха. И все.

Август окинул меня долгим взглядом, но от расспросов отказался.

– Клиника хоть хорошая?

– Та, какую рекомендовала твоя мама.

– А, мама в курсе. Тогда отлично, я больше ни о чем не спрашиваю, она разберется.

Понадобятся деньги – скажи.

– Вообще-то у меня, как я посмотрела, теперь есть свой поверенный. И деньги тоже есть. Думаю, я прекрасно решу этот вопрос сама.

– Кстати, про вопросы. Я обсудил ситуацию с дедом, он по-человечески тот еще сухарь, но прекрасный делец.

– Да, я нашла твои записи. Мне все нравится, так и делайте.

– Ты уверена?

– Совершенно. Вы нашли идеальный компромисс. С одной стороны, меня не будет мучить совесть за разоренных и обнищавших поселенцев, с другой – я буду исполнять сугубо формальные функции. Я очень внимательно читала, правда-правда. И вопросу о поселенцах уделила львиную долю внимания. План Скотта Старшего дает им, помимо всего прочего, еще и мотивацию. Это просто замечательно: людям будет ради чего жить на Сонно.

– Значит, ты не считаешь нужным беречь гордость Бергов?

– Они получают ренту после продажи княжества.

– Делла, ты хорошо понимаешь, что говоришь? Ты фактически лишаешь семью статуса принцев.

– Август, я отлично знаю историю семьи. Они могли лишиться этого статуса еще десять лет назад. Их спас Макс, вытащив Сонно из кредитной ямы. Не сделай он этого – княжество уже пошло бы с молотка. Но его родню урок ничему не научил. Я бывала на Сонно во всех ключевых точках. Нигде, ни в одном офисе, не работают Берги. Сейчас мне устроили двухдневную экскурсию по Кларину, и я поражена: везде, где происходит что-то значимое, крутится молодняк Маккинби. Твой отец сказал про них: да, по большей части ребята тут учатся, стажируются или делают какую-то работу по поручению семьи, потому что со своими предпочтениями еще не определились. А кто-то работает постоянно, потому что это важный узел и его нужно контролировать. На Сонно работают только наемные менеджеры. А Берги получают содержание и веселятся. Они бездельники и повесы, как сказала бы твоя мама. О ком я должна думать? О них или о миллионах поселенцев?

Август неодобрительно покачал головой. Я взорвалась:

– Знаешь что?! Меня в эту ситуацию загнал Макс! Я не просила, чтоб на меня взваливали княжество! Если он надеялся, что я теперь вместо него буду тянуть его безумную семейку, – он идиот! Потому что мне они никто! Если они лишатся титула, то благодаря Макс, а не мне и не тебе! А то Макс хитрый – сам от всего отказался, а виновата буду я!

– О чем и речь, – согласился Август. – О том, что у него будет ореол героя, а у тебя груз вины. Это несправедливо.

– Но другого выхода все равно нет.

– Делла, «выхода нет» и «мы пока не знаем другого решения» – не одно и то же.

– Послушай, тогда делай, что хочешь, – раздраженно ответила я. – Я ни черта в этом не понимаю.

Август покивал и внезапно сказал:

– Вчера звонил Дик Монро. У него к тебе важный разговор.

– О! Ну вот только Дика мне не хватало. И что за важность, ты не в курсе? Я ж его за последние пять лет видела максимум пять раз.

– Думаю, тебе лучше услышать от него. Мне он сказал, что информация касается тебя лично.

Я пожала плечами и поискала в журнале код Кэрол. Насколько я помнила, это был домашний канал, по которому отвечал секретарь.

– Добрый день, я Делла Берг. Будьте любезны соединить меня с мистером Монро, он ждет моего звонка.

Секретарь, достаточно приятный молодой человек, не потратил и доли секунды, чтобы свериться с базой хозяйских запросов.

– Подождите, пожалуйста, мисс Берг, соединяю.

Надо же! Похоже, Дику действительно что-то нужно от меня. Что – гадать бесполезно: это семейство славится капризами.

Дик ответил моментально:

– Здравствуй, Делла.

Я смотрела на мужчину, в которого когда-то, целую вечность назад, была влюблена. Обычно такие встречи производят на женщин угнетающее впечатление: они видят все недостатки и ужасаются себе. Но Дик в этом плане был вне конкуренции. Он практически не изменился. Десять лет назад он тоже был немолод, подтянут, элегантен. Циничный блеск в глазах только усилился, морщин не прибавилось, седины как будто стало меньше. Пожалуй, он по-прежнему импозантен. Приятно думать, что мне было чем увлечься.

– Добрый день, мистер Монро. Вы хотели кое-что мне сказать, я не ошибаюсь?

– Делла, Делла, – он укоризненно сдвинул брови, – зачем этот глупый официоз? Мы ведь близко знакомы, а разговор у меня к тебе отнюдь не делового свойства. Послушай, мне кажется или ты намеренно избегаешь меня? Я что-то не припоминаю, когда мы в последний раз оказывались на одной вечеринке.

– Вечеринки – часть моей работы, и я хожу лишь туда, куда необходимо.

– А как же свидания и досуг? Впрочем, неважно. Как ты смотришь на то, чтобы поужинать вместе? Желательно сегодня.

Я вопросительно глянула на Августа, он жестом показал, что не возражает.

– Хорошо.

– Я пришлю за тобой машину, – пообещал Дик. – К семи.

Я закрыла канал. Август молчал. То ли я за два месяца отвыкла от него, то ли он и вправду только притворялся равнодушным. Ну подумаешь, кто-то позвал меня ужинать. Не повод для волнения. А Август отчетливо волновался.

– Надеюсь, хотя бы Дик не станет рассказывать мне про Мэрилин и Кеннеди. И про гениальные романы.

Август промолчал и загадочно улыбнулся.

* * *

Дик Монро не разменивался на мелочи. Ужинать – так в самом дорогом кабаке Таниры. Когда шофер высадил меня у парадного входа «Короля Солнце», я подумала, что слишком просто оделась для этого места. Я выбрала маленькое черное платье из канского атласа с очень стильной бархатной отделкой, простые туфли на средней высоты шпильке – помнила, что Дик не мог похвастаться хорошим ростом. Ну а гарнитур с бриллиантами у меня был единственный, поэтому тут места для фантазии не оставалось. Волосы убрала в гладкий узел на затылке – у нас вроде бы деловой ужин намечается, не свидание. Черт, если бы знала, что Дик будет кормить меня в «Короле Солнце», надела бы лиловое платье в пол, которое я купила на свадьбу Эмбер Мелроуз.

Пафосный метрдотель проводил меня к столику. Столик, естественно, располагался в лучшем зале, куда не доносилась музыка, зато посередине возвышался ослепительно белый рояль. Стульчик перед ним пустовал – то ли инструмент тут царил декора ради, то ли время концерта еще не наступило.

Проходя по залу, я обратила внимание, что нигде не было рекламных меток. Даже в «Венеции», моем любимом ресторане, они нет-нет да и сверкали – с бутылок дорогого вина или с картины на стене. Само собой, метки оповещали об эксклюзивных продуктах и услугах, но от этого не переставали быть рекламой.

Дик ожидал меня за столиком в дальнем углу, за ширмой из живых разноцветных лиан. Поднялся навстречу, окинул придирчивым взглядом.

– Похорошела, – изрек он. – А фигура как была девчоночьей, так и осталась. Со спины я не дал бы тебе больше семнадцати.

Я молча улыбнулась. Подали аперитивы, я жестом отказалась от вина. Дик удивился.

– Не хочу, – ответила я как можно более мягко. Не объяснять же, что у меня курс лечения от бесплодия, что я принимаю лекарства, алкоголь разрешен в весьма скромных количествах, и то не всякий. Бокал качественного красного вина можно, а белого, например, – ни капли. Коньяк – пригубить, а виски или водку лучше даже не нюхать.

– Наверное, погода действует. Я с удовольствием выпила бы фреш «Осенний вздох», если его тут делают.

Дик послал официанта за напитком.

Мы обменивались незначительными репликами, приглядываясь друг к другу.

– Я смотрю, ты не стесняешься нашего прошлого, – сказал Дик удовлетворенно.

Я пожала плечами:

– Ты же не испортился за это время.

Дик рассмеялся:

– А дело именно в этом?

– Думаю, да. Неприятно разочаровываться в мужчине. Начинаешь думать о себе, что он-то всегда таким был, а вот ты просто была подслеповатой дурой. Даже обманутые надежды не так сильно влияют. Ну а раз ты несколько не потерял в качестве, а надежд у меня не было – мне стыдиться нечего.

Дик чуть склонил голову, принимая комплимент.

– Странно, что ты выбрал Таниру в качестве резиденции. Раньше ты на дух не переносил курорты.

– Все очень просто. Я созрел до исполнения одной мечты. Мечта совершенно буржуазная, раньше я как-то даже скрывал ее. Мне казалось, она несовместима с моим имиджем. Потом осознал, что мой имидж только выиграет, и взялся за дело. Я, видишь ли, всегда хотел иметь

сад. Да-да. С хвойными аллеями, с виноградными беседками и обязательно с розарием. Прямо спал и видел, как неторопливо подстригаю или опрыскиваю свои розы. Когда на меня находила хандра, я запирался в кабинете и часами просматривал энциклопедии растений, подбирая будущих жильцов моего сада. Таниру я выбрал из-за самого удобного экологического законодательства. В моем родовом доме, в Канаде, думать нечего посадить в открытый грунт растение не то что с другой планеты, а даже с другого земного материка. За растение из другого климатического пояса надо платить налог. Земляне помешались на сохранении естественной флоры. Делать мне нечего, как эмоционально спонсировать сумасшедших. Им ведь все равно, соглашаются с ними или спорят, главное – привлечь внимание. Перебьются. Поэтому я выбирал из колоний, где у меня есть интересы. На Большом Йорке проблемы с водой. Положим, я могу оплатить расход, но она же еще и некачественная. На Арканзасе прекрасно все, кроме климата и транспортных узлов. Я ведь собирался жить в своем саду. А арканзасский хаб не отвечает моим запросам. Да и климат там недостаточно хорош. Так что выбрал Таниру. Хаб тут тоже не идеальный, но есть возможность для расширения, я подумал и решил, что это интересно с деловой точки зрения. Климат – то, что надо. Экологическое законодательство – мечта идиота. Можно все, ограничение единственное: земельный участок должен быть в собственности. Да, разумеется, если мои растения начнут сорничать и появится самосев в сопредельных землях, я заплачу штраф. Но это мелочи. Зато теперь у меня есть сад. Я заложил его два года назад, сейчас он уже окреп и обрел достойный вид. При случае покажу тебе. Он хорош даже в ненастье.

Нам подали два бокала с фрешем.

– Не могу же я пить вино, если моя дама предпочитает соки, – пояснил Дик. – Тем более я сюда не напиваться пришел.

Фреш, на мой взгляд, не уступал тому, какой делали в «Венеции», но заметно отличался от него. Кажется, здесь использовали другой сорт клюквы, послаще.

– У меня к тебе будет просьба личного характера, – сказал Дик. – Ты ведь служила в четвертом округе. Там сейчас черт-те что творится. Энстон в бегах, зато хватают его клеветников. Аресты на каждой базе.

Я чуть повела кистью. О происходящем я знала ровно столько же, сколько любой обыватель: Август в расследовании не участвовал. Он ограничился тем, что свалил военного министра, покрывавшего Энстона, а дальше события развивались без него.

– Собственно, меня несколько не волнуют аресты. Я считаю: не умеешь воровать – не берись. Если твоя безопасность держится только на омерте да на том, что тебя крышует министр, ты дурак. Рано или поздно навернешься со своего пьедестала, и тогда тебя разорвут. Тебя будут драть все, кто имеет законное право, а потом на твои ошметки налетит твое же шкалье. Поделом Энстону. Но я хотел попросить тебя о другом. Ты ведь водила знакомства с другими офицерами на базе?

– Разумеется.

– Женщины в этом плане наблюдательней мужчин. Да и информация у них несколько иного плана. Меня интересуют дети. Да-да, несчастные невинные детки, осиротевшие из-за того, что их родители были вписаны в коррупционные схемы. Пап-мам у них посадили, а деток рассовали по приютам. Попробуй вспомнить, кто из знакомых тебе детишек выделялся способностями. Область не имеет значения. Науки, искусства – неважно. Мне нужны талантливые дети.

Ну и семейка эти Монро, подумала я. Все чудесатее и чудесатее.

– Дик, это было давно. За четыре года многое изменилось. Дети, которые производили впечатление способных, могли стать обычными.

– Я не прошу тебя заняться отбором. Просто скажи, на кого обратить внимание. А проверю я сам. Видишь ли, в той кутерьме все торопятся, всем некогда, и есть шанс, что талантливого ребеночка не разглядят. Помогите мне.

– И что ты с ними сделаешь?

– Разумеется, возьму под крыло.

– Тебя небось в первую очередь интересуют девочки?

– Ну, Делла, – Дик даже обиделся, – зачем так шутить? Я не собираюсь вырастить себе гарем. Строго говоря, на мой вкус девочки из дальних колоний в гарем не годятся. Даже если они фантастически красивы. Уровень врожденной культуры не тот. Поэтому меня они интересуют исключительно в том качестве, о котором я сказал.

– Что это тебя на благотворительность потянуло?

Дик засмеялся и доверительно сказал:

– Делла, я дьявол. Даже если занимаюсь благотворительностью. И особенно если занимаюсь благотворительностью. Взять хоть сироток. Хорошо воспитанные богатые люди создают всякие фонды, берут попечительство – почему? Потому, что им совесть не позволяет вкусно кушать да сладко спать, когда там, где-то далеко, страдают детки. Голодные, холодные, испуганные детки. Люди чувствуют себя виноватыми перед ними, стараются помочь. Кто-то, понятно, ничего не чувствует, но зато заботится о своем имидже в глазах окружающих – и это хорошо, такие лицемеры, как правило, делают для детей больше. А что без любви, так поверь, это и к лучшему. Любовь обязывает того, кто ее принимает. И тут я. Я отбираю из сироток самых талантливых, помещаю в интернаты, плачу за их жизнь в нормальных условиях и за образование. Меня интересуют только талантливые. Я инвестирую в них. Каждый случай я рассматриваю отдельно. Мои сиротки не знают, что такое уравниловка, они получают ровно то, что каждому из них надо для наилучшего развития.

Я намеренно промолчала.

– Я циничен, – продолжал Дик. – Они попали в беду, тут появился Дик Монро, объяснил, что если они хотят помочь своим заблудшим родителям, то должны учиться, много зарабатывать, и эту возможность я им дам. Они привыкают, что я для них сделаю буквально все. Проходит год, два, и они – поскольку умные и талантливые – осознают, что их собственные родители никогда бы не сделали для них того, что я. Потому что родители бедные или мелочные, у них собственническое отношение к детям, словом, сиротке до-олго пришлось бы бороться за право быть собой. И что получается? А получается, что спустя несколько лет я приобретаю людей, абсолютно мне преданных. Вот для этого, Делла, я все и делаю.

– С другой стороны, рядовые попечители не стали бы так заботиться о растущем таланте...

– Вот именно. Я тебе больше скажу. Я никого не заставляю служить мне. Потому что служат на самом деле все, даже те, кто думает, будто выбрал свой путь. Они служат моей рекламой. Делла, даже самые талантливые люди зачастую не имеют достаточно силы воли, чтобы торить свою дорожку. Им проще положиться на кого-то заботливого вроде меня. Не надо думать, не надо нести ответственность за свои шаги, не надо беспокоиться о будущем. Поэтому из тех, кого я опекаю, в свободный полет уходят едва ли пять процентов. Остальные берут то, что я предлагаю им. Но и те, кто ушел, сохраняют ко мне доброе отношение. Взять хоть арканзасскую школу. Да-да, ту, которую закончила ты. Делла, как ты думаешь, сколько твоих одноклассников приняло бы мое предложение?

– Минимум половина.

– Половина, ха! Да все, кроме тебя. Другой вопрос, что меня в твоём классе интересовали лишь трое. Включая тебя. И всех троих я получил.

– Ну, если ты считаешь, что двухмесячный роман компенсировал тебе вложения... – Я пожала плечами.

– Почему же роман? Смотри дальше, Делла. Такие мальчики и девочки, как ты и твой брат Крис, – это моя ходячая реклама. Всякий раз я могу сказать: вот, смотрите, каких детей я воспитываю. Патриоты, герои, безупречно честные офицеры. Отечество может ими гордиться.

Я умею возвращать лучших людей для страны. Мне ничего для них не жаль. Я трачу не только деньги, но и свое бесценное время. Я вникаю в каждую мелочь. Надо моей выпускнице Офелии Слоник собрать рекомендации для университета? Я сам, лично, обзваниваю нужных людей и говорю: Арканзас будет гордиться этой девочкой.

– Надеюсь, ты не ждешь, что я расчувствуюсь?

– С чего бы? Ты заслужила такое отношение. Все честно, Делла. Просто другие попечители вряд ли бы позаботились сделать то, чего достоин талантливый ребенок. У них свои дети есть. Или сделали бы, но объяснили, что тебя облагодетельствовали, ты теперь обязана им. А мне это не нужно. Мне нужно, чтобы в мире были известные люди, которые при случае уронят доброе слово в мой адрес – в присутствии важных особ. И главное, они сделают это совершенно искренне и добровольно. – Дик взял паузу, глядя на меня блестящими глазами. – Кстати, да, наш с тобой роман тоже неплохая компенсация. Сам по себе. Ты интересная женщина. Я с удовольствием вспоминаю те два месяца в твоём обществе.

Я не стала заострять внимание на сомнительном комплименте. Ответила улыбкой.

– Раз уж мы вернулись к арканзасским временам... Делла, что нового слышно о Крисе?

Это был удар ниже пояса. Я отдавала себе отчет в том, что Дик, имевший серьезные интересы на Арканзасе, знает или догадывается. Но стоило ли говорить о том?

– Ничего, – очень ровным тоном ответила я.

Дик сверлил меня взглядом.

– Одного не понимаю, – обронил он, – почему ты не искала его? Положим, у тебя был период, когда себя бы найти. Но потом? Ты работаешь у Маккинби, это прекрасная возможность. Но ты ею не пользуешься. Почему? У тебя так много братьев, что один оказался лишним?

Я посмотрела ему в глаза:

– Дик, ты ж не ищешь своего сына и внуков. Хотя статус у них такой же – пропали без вести, пусть и в гражданской версии.

Он чуть откинулся на спинку стула. Пальцы левой руки крутили вилку. Красивые у него руки – сухие, маленькие, цепкие.

– А ты, значит, не веришь, что я сам заказал убийство.

– Ни капельки.

– Правильно делаешь. Но никому не говори: я дорожу своей репутацией. Пусть меня боятся. А сына я ищу. У меня есть человек, которому я шесть лет плачу зарплату, и немаленькую. Просто за то, чтобы он проверял, не всплыла ли новая информация. Раз в неделю получаю рапорт. Все эти шесть лет. И не вижу ни одной причины бросить поиски.

– Дик, ты же понимаешь, что чудес не бывает.

– Бывают, и еще какие. Хотя меня устроила бы определенность. Не буду врать: сына я никогда не любил. Этот гаденыш с первого дня своей жизни только и делал, что пил мою кровь. Он больше ничего не умел. Я терпел его, потому что надеялся: вырастет и уйдет. Дам денег, и пусть проваливает, глаза б мои его не видели. Он не уходил и не уходил. А потом исчез. Вместе с сыновьями. Теперь я плачу деньги за то, чтобы мне его нашли. Десятки моих знакомых, имеющих отношение к розыску, знают: я заплачу за любые сведения о сыне. Даже твой Маккинби знает. Деньги ему не нужны, но он все равно скажет. В нем-то я ни капельки не сомневаюсь. Надеюсь, что и ты скажешь, если вдруг... Ты пойми: если выяснится, что этот мерзавец просто удрал, бросив идиотку-жену и дуру-дочь, а мальчишек забрал и где-то с ними устроился, – скатертью дорожка. Пусть живет там, где живет. Если он в тюрьме – я пришлю ему адвоката, но тем и ограничусь. А вот если мне найдут его кости – я их похороню. На Земле. И я не понимаю: если я, не любя сына, беспокоюсь, отчего ты-то сидишь на ровной попе?

Я вздохнула:

– Дик, тебя это не касается. Вообще.

– Уверена?

Я внимательно оглядела его:

– У тебя есть сведения.

Дик с каменным лицом бросил мне карточку с чипом:

– Сведения четырехлетней давности. Но ты вряд ли знаешь об этой стороне жизни Криса. Он связался с дурными людьми. Должно быть, тебе известно, что коллекционеры чокнутые, взять хоть твоего босса. Но они делятся на две категории: те, какие хотят по закону, чтобы коллекцию выставлять, и те, кому на закон положить с прибором, важно заполучить желанный экспонат. Это касается всех, вне зависимости от предмета страсти. А хуже всего те, кто на поставках зарабатывает. Посредники и агенты. В моем круге общения хватает ненормальных, есть и один такой, которому закон побоку. Кстати, человек хороший. В жизни никого пальцем не тронул. Один у него порок: краденое купит и не поморщится. Я не назову тебе его имени, оно не нужно. Он попросил меня навести справки об одной индейской реликвии. Статуя то ли богини, то ли царицы. Золотая. В натуральную величину. Ну, я узнал в общем и целом. Очень красивый экспонат, должен тебе признаться, не ожидал я от этих дикарей... Такое ощущение, что статуя на них с неба свалилась: до такой степени она отличается от традиционных индейских поделок. Но это, опять же, не суть важно. А важно, что я нашел очень редкое фото. Оно здесь, на карточке. Одно-единственное. Я стал рыть дальше и выяснил еще кое-что. Все здесь. Разбирайся.

– Сколько я тебе должна?

– Нисколько, – ответил Дик, явно ожидавший этого вопроса. – Если вдруг что услышишь про моего сына, скажешь мне. И не болтай, пожалуйста, что его убил не я.

* * *

Домой меня доставил шофер Дика, хмурый, неразговорчивый парень. Я попросила остановиться у задней, садовой, двери. Вышла из машины, скользнула взглядом по окнам: в кабинете темно и в спальне Августа тоже. Скорей всего, уже лег спать. Обычно он ложился под утро, но если выдавался напряженный день без послеобеденного отдыха, то мог уснуть и задолго до полуночи.

Я поднялась в кабинет, где царил идеальный порядок. Никаких записок и памяток в журнале, значит, ничего срочного. Попросила Теда принести мне кофе – в «Короле Солнце» его варили пафосно и отвратительно, я чисто из вежливости пригубила – и развернула большой монитор, чтобы просмотреть карточку от Дика.

Индейская реликвия производила сильное впечатление, я поняла, что именно потрясло Дика. Во-первых, она действительно была красивой. Молодая женщина сидела на коленях и протягивала вперед сомкнутые лодочкой ладони, словно в руках была вода. Длинные волосы подняты с висков к макушке и отброшены назад, на спину. Золото, драгоценности в волосах, обнаженная натура. Во-вторых, тело ее соответствовало всем самым высоким требованиям к человеческой красоте, а вот лицо... лицо было чужим. Очень маленький, едва намеченный прямой носик, маленький рот, широкий лоб и узкий маленький подбородок, огромные, в половину лица, глаза. Лицо при всей своей чуждости показалось мне странно знакомым. В-третьих, даже на фото было видно, что статую эту изготовили при помощи технологий, которые индейцам неизвестны и не могли быть известны в прежние времена. Плавление золота и отливку они могли освоить, отполировать готовое изделие – невелика проблема, золото мягкий металл. Но камни, использованные для украшения, были ограненными!

А в-четвертых, женщина, послужившая моделью для статуи, была равно чуждой как для нас, землян, так и для индейцев.

И только в последний момент я обратила внимание на украшение, обвивавшее высокую и круглую шею женщины. Оно выглядело как черная щепка, оправленная в серебро, на серебряной же цепочке.

Мне показалось, что я оглохла.

Я знала, что это такое. Видела сколько раз в семейном архиве. Талисман капитана Уильяма Мбабете, «правой табуретки» моего предка Ивана Кузнецова. Осколок метеорита в серебре. Когда-то он подарил его маленькой девочке по имени Сара Сэйер, улетающей пилотом на корабле инопланетных роботов.

Я дала максимальное увеличение. Никаких сомнений: это талисман Билли или очень похожий, но в любом случае земного происхождения.

Сара Сэйер побывала на Саттанге за триста лет до того, как его открыли, другого объяснения у меня не было. Возможно, она заглянула в святилище и пожертвовала талисман могущественной богине. А возможно, Сару убили там же, а ее украшение оставили в храме.

Я не успела просмотреть остальные материалы, потому что в кабинет пришел Август. Он был в уличном, на ткани блестели бисеринки влаги.

– Там снова дождь? – спросила я.

– Только что начался. Что это?

Конечно, Август заинтересовался. Я повернула монитор к нему.

– Красивая, – очень серьезно сказал Август, – на тебя похожа. Ты на Земле решила попробовать себя в качестве натурщицы?

Я опешила. Еще раз внимательно взгляделась в лицо статуи. Да нет же, ничего общего.

– Шутишь, – решила я. – Это какая-то индейская реликвия. Но меня беспокоит вот что. – Я показала на талисман. – Вообще-то эта штука пятьсот лет назад принадлежала твоему предку Билли Мбабете.

Август оживился и подсел ко мне. Интересно, зачем? Мог бы перевести изображение на стену или продублировать на свой стол.

– И как она попала на Саттанг? Я верно понял, что эта реликвия с Саттанга?

– Да. У меня одна версия: ее привезла Сара Сэйер.

– И ты думаешь, эта статуя каким-то образом связана с ее подопечными? Что она след той же цивилизации?

– Гм, – только и сказала я, – вот этого мне в голову не приходило.

– А с чего ты вообще заинтересовалась индейцами?

– Это материалы Дика Монро. Уверяет, что они имеют отношение к Крису...

Я прикусила язык, но поздно. Август очень внимательно на меня поглядел:

– Делла?

Я встала, отошла к окну. Да, и правда опять дождь. Серебряные нити в свете садовых фонарей.

– Крис погиб три с половиной года назад.

Август опешил:

– Как? Но ты...

– Я никогда не говорю о нем в прошедшем времени. Крис попал в третий округ, в самую гущу. Дослужился до капитана, был награжден. Дома его ждала беременная жена. Крис-младший родился через два месяца после того, как нашему отцу прислали извещение. Реджинальд Кристофер Слоник-младший. Крис хотел дослужиться до полковника, уволиться в запас, заняться политикой, баллотироваться на пост вице-губернатора Арканзаса... Получить полковника быстро можно только на Фронтире. Причем в самой первой линии. Шла высадка, ошибка командования, словом, там всех расстрелять надо, потому что одной роты недосчитались. С корабля ушла, на землю не пришла. Мрачная шутка – в воздухе зависла. Никаких следов. Официальная версия: пострадали от дружественного огня. Попали под корабельный залп.

У меня дрожали руки, но слез не было. Я никогда не плакала по Крису. Запретила себе оплакивать его. Он не мертв, он просто исчез.

– Он женился на Рождество, в феврале выпустился – терминаторов выпускают раньше остальных, сразу подписал контракт на Фронтир. Дело даже не в политике. Он женился на девушке, что называется, дочери почтенного семейства. По любви. Не поверишь – она с филфака. И попала туда вовсе не случайно. Девушка из той самой элитки, которую мы все так презирали. Вы с Максом – за душевную нищету, мы – за паразитизм. Но Мэг очень славная девчонка. Они с Крисом приезжали к нам с Максом, когда у меня случайно выдался отпуск на целых две недели. Они тогда еще были женихом и невестой. Но Крису, конечно, надо было прыгнуть выше головы. Ему никто этого не говорил, он сам понимал, что теперь ему одна дорога – головокружительная карьера в армии, потом политика. В июне, помню, он написал, что получил капитана. Я ответила, что мы с Максом хотим снова сойтись, с датой венчания пока не определились, но мечтаем его видеть на нашей свадьбе. Крис ответил, что у него вот-вот родится ребенок, Мэг будет рожать на Земле, и ему точно дадут отпуск, значит, можно совместить наше венчание и крестины его первенца. Через месяц у меня все рухнуло, я написала Крису. Он единственный, кому я могла все рассказать. Ответа уже не было. Когда я приехала домой, отец показал два извещения – на него и на меня. Мое порвал и сказал: «Может, и Крис вернется». У нас не поминают его. Мы даже не разрешили повесить его фото на факультетской Стене Памяти. Да, прошло много времени, уже все понимают, мы чаще и чаще говорим, что он погиб. Но помянуть не будем.

– А его жена?

– Маргарет Хизер Хэтфилд, пресс-секретарь действующего вице-губернатора Арканзаса. Она была начальником его предвыборного штаба, провела блестящую кампанию. Через два года будет баллотироваться в парламент Арканзаса, а там посмотрим.

– То есть она поддерживает вашу реальность ожидания.

– Она просто однолюб. У нее есть сын, она член нашей семьи. Однажды я ей сказала: «Мэг, ну ладно мы, ты-то чего лучшие годы горишь?» А она ответила: «Но ты ведь вернулась».

Август заметно огорчился.

– Макс частенько шутил, мол, Крис – будущий сенатор от Арканзаса, – убито сказала я. – Говорил, что поддержит. А сенатором, наверное, будет его вдова.

– Это не шутка, – возразил Август. – Наш большой план. Надо же, как неприятно...

– Ваш большой план? Ваш с Бергом? Легко вы отказываетесь от своих планов, звездные мальчишки... Ладно, не дуйся, ты никогда не был с Крисом особенно близок. Но Макс-то, зараза, держался с ним как с ровней, повсюду таскал с собой, нахваливал перед влиятельными людьми... Они разве что по бабам вдвоем не бегали, хотя кто их знает, уж поддать и покуролесить на пару не упускали случая... Вот только стоило нам с Максом разбежаться – и трогательная дружба принца с нищим кончилась в один день. Ни разу Берг с тех пор даже не заикнулся – мол, как дела у Криса. Ни разу...

Вот за это вас, принцев, и не любят, едва не ляпнула я, но сдержалась. Август такого не заслужил. Насколько я знала, он не делал Крису никаких авансов, ничего не обещал. Если у Августа и были действительно свои виды на Крису, он просто ждал, когда придет время, а пока наблюдал, как человек себя проявит... Да ни черта он не наблюдал! Тогда знал бы, что Крис мертв.

Вот за это вас, принцев, и не любят.

– Можешь не верить, но я как раз думал списаться с Крисом, – сказал Август, глядя в сторону. – Мне нужен толковый вице-мэр на Сивиллу. И лучше – офицер. Условия в определенном смысле тепличные, в правительстве люди умные, подстрахуют новичка, и как раз можно было посмотреть, годится ли Крис в принципе для такой работы. Черт, как же неприятно!

– Дик попрекнул меня сегодня, мол, почему я не искала Криса, – зачем-то сказала я. Мне было важно оправдаться. – Я искала. Год назад я просила Мелви поднять архивы. Получилось очень глупо. Рота Криса не должна была идти на ту операцию. Она за сутки до этого вернулась с учений в четвертом радиусе. И ее сразу бросили в бой... А теперь Дик Монро уверяет, что Крис каким-то образом связан вот с этим. – Я показала на статую.

Август отошел к своему столу и плотно уселся.

– Давай на стену, – приказал он мне. – Проверим, что нашел Дик.

Я переключила видеоканал и запустила просмотр. На карточке были только фотографии. Все – четырехлетней давности.

Индийская статуя, потом она же, но с двух сторон от нее мужчины. Одного я узнала – Крис. Он был в охотничьем камуфляже, не в форме. Его спутник носил пехотную повседневку. Смутно видно убранство храма.

Следующий кадр – Крис, уже в форме, на фоне казармы, с неким полковником.

Следующий – тот же полковник, но уже в гражданском, на каком-то светском рауте. Разговаривает с женщиной, которая обилием украшений способна поспорить с индийской статуей.

И... всё.

– Негусто, – сказала я.

– Очень много, – возразил Август. – Каждый кадр по отдельности невинен. Но вместе они уже выдают систему. Женщина – миссис Говард, ее муж известен тем, что скупает антиквариат и предметы религиозного культа. Я не общаюсь с ним, у него дурная репутация. Ходили слухи, что не брезгает краденым. И иногда даже заказывает кражи. Последнее время переключился на индийские раритеты. Похоже, Дик намекает, что слухи недалеко от истины.

– Ага. Но чтобы покупать индийские реликвии, надо иметь к ним доступ. Либо через нашего посла на Саттанге, либо через контрабандистов. Последнее малореально – граница, там наши патрули. А вот если у него выход на военных, которые могут получить пропуск для пролета через зону Саттанга... Похоже, что этот полковник как раз и был таким.

Август быстро запустил поиск. Результат оказался обескураживающим.

– Эндрю Салливан, полковник тяжелой пехоты, третий округ. Был приглашен для дачи свидетельских показаний по делу о казнокрадстве. На суд не пришел, потому что застрелился.

– Очень вовремя для кого-то, – пробормотала я.

Казнокрадство в армии – вещь неизбежная. Но полковник не мог воровать один. Кто-то ему покровительствовал. И не факт, что он застрелился сам.

– Я не знаю, что это за статуя, но она золотая. Ее стоимость трудно вообразить, – продолжал Август. – Странно, что Крис ввязался в эту авантюру. Делла, ты можешь раздобыть его личную переписку?

– С женой и родными?

– Да, разумеется. Будут спрашивать – скажи, я просил разрешения ознакомиться с ней.

– Август?..

– Делла, никому не станет хуже, если мы получим определенность в этом вопросе.

– Хорошо, я напишу отцу.

– Дик сказал, откуда взял эти снимки?

– Нет.

– Узнай. Лучше – прямо сейчас.

Я посмотрела на часы. М-да, почти полночь. Дик поздно ложился спать, но он наверняка занят с очередной юной любовницей. Тем не менее худа не будет, если я оставлю секретарю просьбу перезвонить.

К моему удивлению, меня соединили с Диком.

– Я как раз собираюсь спать, – сказал он. – Ну как, что скажешь?

– По твоей просьбе – я вспомнила. Худи Элверт и Донна Элверт. Мальчик считался очень способным к математике, девочка отлично музицировала. Они должны были попасть в приют еще в октябре прошлого года, их родителей убили.

– Отлично, я разыщу их.

– Дик, где ты взял эти кадры?

– О, в разных местах. Криса с полковником – в архиве Мэгги, сцену на балу – в светской хронике. А фото со статуей – в архиве Ника ван ден Берга. Кстати, ты поосторожнее: Ник понятия не имеет, что я ознакомился с его архивом.

– О как!

– Да, – беспечно отозвался Дик. – Мне позарез нужна была кое-какая информация, причем так, чтобы никто не узнал о моих поисках. Я надеялся найти ее в архивах Ника ван ден Берга. Нашел. А попутно – вот эту прелесть.

– Очень интересно.

– Да, я тоже удивился. Но, сама понимаешь, расспрашивать его мне было не с руки. Я подумал, что у тебя это получится лучше. Тем более, судя по обилию твоих фото в том же архиве, Ник имеет на тебя какие-то виды.

– Спасибо, – ровно ответила я.

– Не за что. А про деток повспоминай еще.

Я пересказала разговор Августу. Надо сказать, что перспектива встречи с Ником меня нисколько не прельщала. А если честно: в списке людей, которых я не желала видеть, он занимал место в первой десятке. Однако работа есть работа, понадобится – встречу. И даже буду ему улыбаться.

– Ник. – Август казался озабоченным.

– Я спрошу его.

– Не нужно, – быстро сказал Август. – Я сам.

– Почему?

– Потому, Делла, что просто так подобные кадры в архиве не хранятся. Если Ник замешан в подпольной торговле роскошью или ведет журналистское расследование, он будет молчать как рыба. Разговорить его смогу я.

– Инквизиторский допрос?

– Естественно.

– Это если он согласится. Он же не арестованный, чтоб ты его не спрашивал.

– Согласится. – Август самоуверенно улыбнулся. – Куда он денется? Я умею убеждать.

– Как знаешь. – Я постаралась скрыть облегчение.

– Сваришь каши? А то утреннюю я всю съел. Пожалуйста.

– Да куда ж я денусь... Ты умеешь убеждать.

И я пошла на кухню.

* * *

Вот уж не думала, что весь день проведу, вспоминая, как работать с модельером.

Большинство моих сверстников при слове «модельер» ухмыляются, думая о тех детских игрушках, с помощью которых они лепили порнографические сценки. Ну а как еще его использовать, с тем ограниченным набором функций... Понятно, что востребованы были и бокс, и собачьи бои. Но все-таки мои одноклассники чаще всего обменивались именно порносценариями.

А в университете я работала не с гражданской версией (она же детская игрушка), а с полнофункциональным военным модельером. Штука замечательная. Позволяет создать наглядное представление сколь угодно сложных процессов с неограниченным количеством объектов.

Строго говоря, сложность и количество ограничиваются, конечно, но каждое новое поколение модельеров раздвигает рамки доступного.

Мощный компьютер, мощный голопроектор и мощный софт: вроде бы по отдельности ничего сверхъестественного, а вместе – прекрасная вещь. Столь же прекрасная, сколь и дорогая.

Я и не знала, что у Августа есть модельер.

– Конечно, – ответил он. – Я же говорил: на Кларионе каждый год учения и маневры. Ты считаешь, я в голове их планирую?

– От твоей головы можно ждать и не такого.

– Вот мне делать больше нечего, как тратить фантазию на маневры.

Модельер у него стоял в мансарде над Гаражом, в том единственном помещении, где я не побывала ни разу за три года. И при расследовании преступления мы пользовались этим средством впервые.

Началось с того, что стали поступать ответы на наши запросы о Крисе. Август очень быстро получил пакеты от моих абонентов и больше всего заинтересовался личными письмами. Он читал, хмурился сильнее и сильнее, и в этот момент поступил вызов с незнакомого канала. Август ответил.

– Бенедикт Хэтфилд, – назвался абонент. – Я слышал, вы интересуетесь парнем, за которого вышла замуж моя дочь.

– Да, – односложно подтвердил Август.

– Могу я узнать, почему?

– Если дадите достаточно веское обоснование своему любопытству.

– О, – хохотнул Хэтфилд. – Я наслышан о вас. Инквизитор первого класса. Единственный инквизитор с титулом. Конечно, да. Насколько веское, зависит от того, вы ведете дело или сами любопытствуете.

– В данный момент я уточняю, есть ли основания для независимого расследования.

– Скажи, что ведешь. Мой отец в любую секунду подпишет контракт, – шепотом подсказала я. – Ты ж понимаешь: любимый сын пропал.

– Но если появятся, вы возьметесь?

– Безусловно.

– Я интересуюсь из-за дочери. Мне надоело глядеть, как она превращается в Деву Марию: вроде и замужем, но без мужа, и с младенцем на руках. Честно говоря, я бы даже нанял кого-нибудь с вашими полномочиями, чтобы положить конец этому мученичеству. Не хочет она второй раз замуж – ее проблемы, но зачем вот так висеть между небом и землей и истязать себя надеждами? Пусть наконец кто-нибудь точно скажет: да, погиб. Но не так. И пусть виновного в его гибели посадят. Так будет правильно.

– Я подумаю. На данный момент у меня нет данных, чтобы судить о чем бы то ни было определенно.

– Я просто хотел уточнить, что не выношу пустого любознательства. Либо работаем, либо нет.

– Пустое любознательство у инквизитора? – Август удивился. – Такое бывает?

– Ну, вам виднее. Я с вашими коллегами пару раз общался, но не по делу – так, встретился на вечере у одного знакомого, тот представил даму со словами: «На всякий случай». Алиша Бетар, если вы о такой слышали.

– Моя однокурсница. Прекрасный специалист.

– Я не стал обращаться к ней. Женщина. – Хэтфилд пожал плечами: – Что она понимает в армии?

– Мой ассистент-оперативник тоже женщина. Капитан тактической разведки, армейские реалии знает почище большинства мужчин.

– Ну, разведчик! Надо полагать, что знает...

– А мисс Бетар в прошлом году была моим партнером. Мы вместе расследовали и обосновали факты государственной измены, совершенной Нотторпом.

– Ох ты... – выдохнул Хэтфилд. – Про вас-то я знаю, а вот ее как-то пропустил... Харошая, однако, дама. Спасибо, что сказали. Буду иметь в виду.

– Хотя в чем-то вы правы. Мисс Бетар специализируется на экономических и финансовых преступлениях. Очень хорошо иметь такое знакомство, если вы банкир или стали объектом рейдерской атаки...

– Вот и мне сказали то же самое. Я финансист.

– ...а если бы вы поговорили с мисс Бетар, она рекомендовала бы вам обратиться ко мне.

– Так я и обратился.

– Мистер Хэтфилд, вы хотите поболтать или готовы выложить то, что вам известно?

– О как! А с чего вы взяли, будто мне что-то известно?

– Вы сами об этом сообщили: «Да, погиб, но не так».

Хэтфилд осторожно кашлянул в кулак.

– Мне не то чтобы известно. Просто есть несхождения. Значительные. Мой приятель, в колледже вместе учились, работает в военном департаменте. Поскольку при Нотторпе табу налагалось лишь на документы четвертого округа, а остальные хоть без спросу бери, он достал мне все, что есть по этому делу. Это же третий округ, а не четвертый. Короче говоря, я не понял, как это они сумели убить роту целиком дружественным огнем.

– Перешлите мне весь пакет.

– Хорошо. Отправляю...

– А пока оно до меня ползет, рассказывайте.

– Что именно?

– Все. Все, что, по-вашему мнению, имеет отношение к Кристоферу Слонику.

– Да я не очень хорошо его знал. Совсем почти не знал, если честно. Поговорить по душам удалось один раз. Парень как парень. Нельзя сказать, что я был так уж счастлив видеть его в зятях, а с другой стороны, и не возражал. Мэг самая младшая из моих детей, у меня их трое. Чудачка. Всегда была чудачкой. Я, честно говоря, ждал, что она станет какой-нибудь матерью Терезой. Всех жалела. Но мозги-то есть, просто мудрости не дано было. Я не связывал с ней никаких надежд. Тут она приходит, она на втором курсе училась, и говорит, что собирается замуж. Я и опешил. Я-то думал, она вообще не хочет замуж. Рассказывает. Будущий офицер, тяжелая пехота. Я растерялся: армия?! Это моя-то дочь, ненавидевшая всякое насилие, выбрала себе военного?! Ладно, говорю, приводи знакомиться. Поглядел и совсем перестал понимать: он же здоровый шкаф, ну просто воплощение всего, что моя дочь терпеть не могла. Одно осталось неизменным в моей дочери: это ее возмущение социальной несправедливостью. Парень не нашего круга. Но я очень спокойно отнесся к нему. Опять же, его дружеские и родственные связи весьма привлекательны даже по моим меркам. Сестра вон за принца вышла. Оно, конечно, бывает, и не так редко, но вот чтобы принц при этом не пренебрегал родней своей жены – о таком слышу впервые. А сестра у него вышла за Максимилиана ван ден Берга, и этот самый Берг с Крисом приятельствовал. Мэг однажды пригласила его на вечеринку – пришел и нос не драл, даже не пытался притвориться, что одолжение делает. Совершенно по-свойски держался. Я не то чтобы планы вынашивал, нет. Просто подумал: если Берг дружит с парнем не своего круга, может, парень того стоит? И надо брать? Так что я ладил с Крисом. Если вам скажут, что это я науськал его драть нос в армии и указывать полковникам их место, – не верьте.

– Вас часто в этом обвиняли?

– Часто. Тут надо понимать три вещи. Во-первых, Крис сам по себе человек своеобразный. Чувство собственного достоинства у него, мягко говоря, не по сословию. Не амбиции –

амбиции там как раз по мерке. То, что он метил в сенаторское кресло, – это все чушь собачья, это его Берг уговаривал не скромничать, я сам слышал. А Крис ему отвечал, мол, скромность – это не про него, другое дело, что в качестве вице-губернатора Арканзаса он знает, чем заняться, а насчет Сената – даже не представляет. Крис хотел руководить исполнительной властью в масштабах планеты, и я бы не сказал, что он замахнулся выше головы. Да нет, нормально. С учетом его обстоятельств – высоко, но не чрезмерно. А вот чувство собственного достоинства у него было о-го-го. Шею ни перед кем не гнул... Во-вторых, а чего ему, выпускнику Военного университета, и не указывать место полковнику, закончившему колледж в Мухосранске? Знаю я, что такое Военный университет. А в-третьих, даже без первых двух я этому полковнику тоже указал бы на месте Криса. Бывают обстоятельства, когда подчиненный просто обязан сказать начальнику, что тот не прав. И на гражданке, и в армии бывают.

– Как звали полковника, не помните?

– Уолтер Тэтчер.

Мы с Августом коротко переглянулись: Тэтчер был прямым начальником Криса.

– Из-за чего у них случилась ссора?

– Как обычно. Крис уличил своего командира в халатности и воровстве. Главное, воровал этот дурак по-глупому и по мелочи, а вреда от воровства было много. Продукты с истекающим сроком годности, чуть-чуть уменьшенные порции, напитки сильнее разбавлены водой... А Крис для своих солдат был отцом родным. Твердил, что тяжелая пехота – это позвоночник любой армии и нужно следить, чтоб он не хрустнул. Зашел в столовую, проверил порции, вызвал эксперта – а еда подпорчена. Самую малость. Даже врачи сказали, что ничего смертельного. Персонал в столовой, понятно, мигом настучал на своего старшего, тот на следующего, а этот уже на полковника. Кому охота ссориться с терминаторами? Сами небось знаете, они ребята очень замотивированные на честную службу родине и потому, как бы сказать помягче, непосредственные. Не понимают, когда другие честно служить не хотят... Крис поговорил с полковником на повышенных тонах. Тот попробовал было слова через губу цедить, Крис ему ответил. Хорошо ответил. А ведь Криса и солдаты любили, и младший офицерский состав. Популярный человек. К нему из других рот за советом ходили и за помощью. Кончилось тем, что приехал командующий округом, генерал Мимору. Крис и с ним поговорил. Не, нормально. Объяснил свою позицию. И правильно ведь объяснил. Тяжелый пехотинец, которого от тухлого мяса разбирает понос, – это не боец. В тяжелой пехоте нагрузки такие, что ребят кормить надо действительно хорошо. Мимору и его выслушал, и полковника пожурил, ничего больше делать не стал. Только мне потом передали его слова, которые он за спиной Криса произнес. Вскокочка, мол, с помойки вышел, а туда же – офицером себя мнит. Ну, знаете, тут уже я оскорбился. Потому что это мой зять. Через знакомых передал: объясните кто-нибудь этому Мимору, что зять Хэтфилда – это вам не кот нагадил. И если известная буквально всем офицерам, которые учились на Земле, династия Слоников – помойка, то мне не составит труда выяснить, чем таким славным известны предки Мимору. Вот с тех пор меня и обвиняют: дескать, зятя науськиваю, чтобы он воду мутит в третьем округе.

– Можете точно повторить, что вам сказали относительно подкопа под Мимору?

– М-м, сложно. Я такие вещи не запоминаю. Только приблизительно. Видите ли, сам Мимору слова доброго не стоит. Не знаю, насколько хорошо инквизиторам преподают историю...

– Мне – хорошо. У меня еще неоконченный историко-архивный.

– А-а! Был в Испании такой диктатор – генерал Франко. Мелкий, ограниченный, даром что личной смелостью блистал. Вот Мимору – это ухудшенный вариант. У него еще и с личной смелостью швах. Если кто и вышел с помойки, так это Мимору. Но амбиций море. И он тоже чей-то зять. А с его тестем я давно не в ладах. И самое заурядное армейское происшествие

выставили как мою борьбу с тестем Мимору. Вроде как я ищу способ пошатнуть чужие позиции. А там, глядишь, лет через десять поставлю командующим округом своего зятя.

– О последнем – вам это говорили или вам так показалось, что ваши оппоненты подразумевают?

– Да ну что вы, сказали, конечно. Один раз и в запале, но сказали. Я бы такое не выдумал, мне в голову не пришло бы. Я же знал, что Крис в армии именно на десять лет, а дальше у него совсем другие планы. И когда мне буквально через полтора месяца позвонила дочь и сказала, что на Крису пришло извещение... Ну, сами понимаете, что я подумал.

– Пожалуй, мне важно знать, что именно вы подумали.

– Я подумал, что Мимору избавился от потенциального конкурента.

– Вместе со всей ротой?

– Да, этот момент меня слегка удивил. С другой стороны, в роте его любили. Такого офицера запросто не убьешь. Как минимум солдаты молчать не будут, если что заподозрят. А может, так было проще инсценировать гибель в бою... Но кто же так инсценирует, а? Даже у такого дилетанта, как я, вопросы появились.

– Вы служили?

– Да, срочную. Атмосферная авиация. Штурмовик я. Главное, я прекрасно знаю, как происходит десантирование тяжелой пехоты с воздуха, мы ведь для них площадки чистили. Их же не прямо с борта сбрасывают. Борт ниже двадцати километров не спускается никогда. С борта уходит беспилотная платформа, и прыгают уже с нее. С километра, с восьмисот метров, а лучше с пятисот, чтобы долго не болтаться под куполами. И у меня соответственно возникли вопросы. А что с этой платформой – она под обстрел попала? И как с борта, давшего тот злосчастный залп, не заметили эту платформу? А если есть платформа, значит, люди прыгают, стрелять широким сектором нельзя... Тогда я позвонил своему приятелю в военном ведомстве и попросил достать мне все материалы. Вы еще не получили их?

Август проверил.

– Да, получил. Погодите немного, я просмотрю, что вы собрали... План операции, рапорт, бортовые журналы, осмотр поверхности... снимки есть, замечательно... Благодарю вас, мистер Хэтфилд.

– Если согласитесь со мной, что там нечисто, звоните. Контракт подпишу.

– Я думаю, это будет политически ошибочно. Контракт я подпишу с отцом пропавшего.

– А, это еще лучше. Не в смысле денег, сами понимаете, мне ваши гонорары по карману, да я с Джулианом в доле буду, в любом случае меня тоже задела эта беда... Но вы правы. Если вас пригласит Джулиан, никто не скажет, что я рою под Мимору.

– Вы с отцом Крису ведь в хороших отношениях?

– Догадались, потому что я по имени его называю? Да, в хороших. Мэг ведь у него живет. Я езжу на Арканзас. Внука повидать, да и... Словом, там деловое поле весьма многообещающее, а у меня дочь внезапно политикой заинтересовалась... Хорошо, если что понадобится – звоните.

Когда Хэтфилд попрощался, Август несколько минут сидел, обхватив себя за подбородок. Потом велел мне связаться с отцом и уточнить, готов ли он подписать контракт, потому что пора прикрывать свой тыл законными документами. Отец обрадовался, да ему передо мной еще Хэтфилд успел позвонить.

Потом Август собрал все документы, и мы пошли в мансарду над Гаражом.

Три следующих часа Август диктовал мне данные, а я загоняла их в модельатор. Запустили. Вместо боя получилась каша. Перепроверили данные, нашли ошибку, исправили, запустили снова.

Я смотрела на процесс и не понимала.

В поле модельатора беззвучно – звук мы не задавали – скользили объекты. На цель заходит звено штурмовиков – первая волна подавления. Под их прикрытием сброшены десантно-штурмовые группы с тактической разведкой – для нейтрализации крупных наземных огневых точек. В атмосферу пошли транспорты с тяжелой пехотой и техникой. На высоте в двадцать один километр встали на позицию, истребители прикрытия выстроились. Пошли платформы с техникой. Встали. Пошли беспилотные платформы с людьми. С земли попытка контратаки, которая мгновенно подавлена, потому что уже и техника развернута, и истребители не спят. Вот бортовой залп пересекает траекторию интересующей нас платформы. Снимки поверхности мы тоже загнали в программу, вот оно, это попадание. Широкий сектор, выжженная проплешина овальной формы. Платформа продолжает спуск. Успешная высадка. И?..

Если верить записям в бортовых журналах кораблей, других залпов, теоретически опасных для своей пехоты, не было. Не было и характерных следов на поверхности. Август предположил, что командир виноватого корабля попросту стер улики из журнала – есть такие умельцы. Однако само расположение кораблей не позволяло нанести такой удар. Рота ведь высаживается не одномоментно, иначе у них парашюты спутаются, да и на земле давка будет. Учитывая, что это тяжелая пехота, каждый солдат весит не менее центнера и тащит на себе около семидесяти килограммов оборудования, будет не давка, а крошево. Платформа движется со скоростью около пяти метров в секунду, высадка идет группами, и в атмосфере рота занимает очень приличный объем. К тому же, чтобы уничтожить всю роту целиком, не задев платформу, надо стрелять в тот миг, когда первый еще не коснулся земли, а последний уже спрыгнул. Но и это не все! Платформа рассчитана не на одну роту! Конкретно эта платформа была малой, на батальон, с одновременной высадкой с двух бортов. Как можно ухлопать одну роту, не задев вторую, мне лично непонятно.

Август уселся на полу у модельатора по-турецки, развернул с чипа большой монитор и погрузился в изучение бортового журнала того транспорта, на котором прибыл Крис.

- Очень интересно. А почему они ту платформу отправили с половинной нагрузкой?
- Что?
- На той платформе была только одна рота.
- Наземные условия? Нет места для полной высадки?
- Об этом ни слова. Никаких объяснений. Просто запись о рейсе.
- Вручную?
- Нет, авторегистрация. То есть платформа-то ходила. А ну-ка...

Август замолчал на полчаса. Я развлекалась тем, что заставляла модельатора выводить какие-то совершенно фантастические процессы. В мансарде было очень жарко, в скат крыши лупило закатное солнце, а климатрона тут, конечно, не стояло: на кой черт его разворачивать на чердаке, где люди бывают раз в месяц в лучшем случае? Я сбросила жакетик. Хоть и льняной, но все-таки лишний слой ткани. Краем глаза заметила, что и Август разоблачился. Не отрывая взгляда от монитора, снял пиджак, аккуратно сложил его – я так понимаю, машинально, потому что пиджаки осознанно складывают только маньяки, – вынул запонки из манжет и закатал рукава выше локтей. Этому ему показалось мало, потому что он расстегнул воротник и освободил волосы от заколки.

Я самозабвенно мучила один из истребителей в модельаторе, заставляя его пройти под платформой вверх брюхом. Модельатор выдавал ошибку, но я не сдавалась. Иногда я искоса поглядывала на Августа. В мансарде было не только жарко, но и влажно, потому что его волосы, несмотря на тонну выпрямляющей косметики, уже принялись свиваться в упрямые колечки, приподнимаясь из гладкой укладки. Я посмеивалась про себя.

Август поднял голову, рассеянно посмотрел на модельатор и приказал:

- Выключай его. Пошли в дом, там прохладно и есть кофе. Данные можешь не сохранять.
- Уверен?

– Если только на всякий случай. Криси там вообще не было. Ни одного, ни вместе с его ротой.

Ничего себе заявляешь! Август ушел, я быстро усыпила модельера и поскакала за боссом.

Догадливый Тед уже сервировал на веранде легкий стол – кофе, лимонад, печенье и фрукты. Август плотно уселся в плетеное кресло, жалобно скрипнувшее под его немалым весом, с удовольствием выпил чашечку капучино. Я выбрала холодный лимонад: Август не женщина, ему все равно, что от кофе на жаре портится цвет кожи.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.